

А. БРАГИН

УМОМ И МОЛОТКОМ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

А. БРАГИН

УМОМ И МОЛОТКОМ

Издательство политической литературы • Москва • 1975

Брагин А. И.

Б87 Умом и молотком. М., Политиздат, 1975.
127 с. с ил. (Герои Советской Родины).

«Умом и молотком» — международный девиз геологов.

Книга писателя А. И. Брагина рассказывает о жизненном и творческом пути академика К. И. Сатпаева, который был не только выдающимся ученым-геологом, но и крупнейшим организатором науки. Книга дает яркое представление о личности незаурядной, мыслящей оригинально и масштабно, действующей энергично и решительно.

Книга рассчитана на массового читателя.

Б $\frac{10604-240}{079(02)-75}$ 290—76

552

В молодости все торопят годы. Потому так особенно радостны бывают праздники, которыми отмечаются дни рождения. А когда время человека, как солнце на небе, идет к закату, юбилейные торжества, по крайней мере для самого их виновника, окрашиваются отнюдь не в мажорные, а скорее в элегические тона.

Весною 1959 года Канышу Имантаевичу Сатпаеву исполнилось шестьдесят. Как ни старался он убедить товарищей и родных, что не стоит поднимать юбилейного шума, что он хотел бы сберечь каждый новый день для работы, даже ссылаясь на некоторое физическое недомогание, избежать громкого празднования своего шестидесятилетия не сумел. Многие газеты посвятили Сатпаеву юбилейные статьи, не было недостатка в письменных и телефонных поздравлениях.

Каныш Имантаевич досадовал на столь широкое чествование. Но рядом с этим естественным для скромного человека чувством поднимались и другие, тоже вполне естественные,— гордость, удовлетворение, благодарность людям.

С высоты своего шестидесятилетнего рубежа он невольно перебирал в памяти главные события своей жизни. И, как он потом признавался, перед глазами часто вставали картины, видеть которые не мог, но которые вобрал в свою память по рассказам других.

На оборотной стороне обложки Корана,— он помнил эту книгу, единственную в доме до его поступления в школу,— отец, Имантай, записал старательным, но неумелым почерком: год кабана, день такой-то второго весеннего месяца после Науруза, мусульманского новогодья. Это была дата его рождения. Каныш

уже подростком узнал, что это был конец XIX века, 1899 год, 12 апреля.

Судя по всему, Имантай был не ахти каким грамотеем. Зря приписывали ему начитанность. И в Омской русско-азиатской школе толмачей он никогда не учился. Хотя легенда об этом ходила по округе. А вот памятью, действительно, обладал превосходной. Любил рассказывать преданья, сказки. Еще Имантай любил напевать под свою домбру баянаульские песни. Низким приглушенным голосом. Каныш Имантаевич ловил себя на том, что и он поет голосом отца.

Был ли он богатым, отец? Дед Каныша, Сатпай, человек властный и оборотистый, несомненно, принадлежал к числу богатых скотоводов баянаульской степи. Имантай же унаследовал от отца малую часть его овец и самую бедную зимовку. Но он был сыном Сатпая, а это в Степи отдавалось эхом богатства и родовитости.

Алиму, свою мать, Каныш Имантаевич, как ни старался, вспомнить не мог. Смутно возникало перед ним белое-белое лицо с большими глазами. И он как бы слышал полузабытое слово: «Гани».

В младенчестве он не был Канышем. Мулла дал ему арабское имя Габдулгани, сокращенно Гани. Канышем стала ласково называть его Нурум, старшая жена отца. Она заменяла мальчику бабушку, а после ранней смерти Алимы — и мать.

В день шестидесятилетия он подумал, что должен еще хоть раз побывать в Баянауле, прикоснуться к полузабытым истокам детства.

Но чаще мысли уносились в Джезказган, в любимейший его край, куда приехал молодым, которому отдал лучшие годы.

Да разве он расставался с Джезказганом и когда-нибудь расстанется с ним? Все самое значительное

в жизни было связано с джезказганской степью, с ее речками — Джезды, Кенгиром, Сарысу, с ее взгорьями и горами Улутау.

С трибуны XXI съезда КПСС Сатпаев говорил о развитии производительных сил Казахстана, о его выявленных минеральных богатствах.

В 1959 году Сатпаев получил Ленинскую премию за металлогенические и прогнозные карты Центрального Казахстана, а Джезказган — сердце этого района не только в географическом смысле. Больше шести лет денно и нощно он трудился над картами, без которых теперь уже не может обойтись геолого-разведка. И одновременно закладывал основы металлогении.

Тогда, в день своего рождения, он, возможно, уже подумывал еще об одной встрече с Джезказганом. Потом он замыслил ее как объединенную научную сессию по проблемам развития производительных сил родного промышленного района.

Встреча эта состоялась весной 1961 года. К участию в сессии были привлечены ученые Москвы, Ленинграда, Ташкента, Алма-Аты и Караганды. В Джезказган съехались партийные руководители, в их числе тогдашний первый секретарь Карагандинского обкома партии М. С. Соломенцев, хозяйственники, инженеры, геологи.

Сам Каныш Имантаевич подготовил три доклада — о состоянии и перспективах использования минеральных ресурсов, о задачах геологии и об основных элементах металлогении Джезказгана. В одном из этих трех академических выступлений, в которых раскрывалось будущее Джезказгана, он неожиданно для слушателей возвратился в молодость:

— Разрешите мне совершить небольшой экскурс в прошлое. Тридцать три года назад, в январском

номере журнала «Народное хозяйство Казахстана» за 1928 год, была опубликована одна из моих ранних работ, посвященная перспективам Дзезказгана и его района. Касаясь предстоящего пуска Карсакпайского завода, который, как известно, был первенцем цветной металлургии республики, я писал: «Когда впервые пронесется гудок заводской сирены Карсакпая над Улутау, то он, несомненно, найдет мощный отклик во всех уголках Казахстана. Одним из усилителей этого «эха» будет даже природная склонность казахов к песнетворчеству. При этом в новых их песнях, несомненно, будут звучать не былые ноты тоски и отчаяния, а другие, полные мощи и отваги. То будут песни нового, нарождающегося индустриального Казахстана». В те дни я был молод и, как видно, имел некоторую склонность к лирике. Но лирика вдохновляется мечтой, зовущей человека на упорный, одухотворенный труд. С такой большой мечтой в душе упорно и одухотворенно работали и работают геологи Дзезказгана. Гудок Карсакпая ныне звучит лишь дискантом в сравнении с басовыми гудками Большого Дзезказгана; зажглись яркие огни Караганды, Балхаша, Казахстанской Магнитки; над всем Казахстаном звучит сегодня величественная индустриальная симфония труда и смелых творческих дерзаний. Поэтому позвольте мне и сейчас оправдать свою склонность к лирике и закончить выступление выражением глубокой убежденности в том, что строящийся ныне комплекс предприятий Большого Дзезказгана является всего лишь первым звеном в цепи наступающей комплексной, еще более широкой индустриализации Дзезказган-Улутауского района, которая, несомненно, превратит этот некогда пустынный скотоводческий район в один из ярких маяков коммунизма на востоке СССР.

Сменивший его двадцать лет назад на посту начальника Джезказганской геологоразведочной экспедиции Василий Иванович Штифанов, человек высокий и грузный, под стать Сатпаеву, крепко обнял докладчика:

— Здрóрово сказал, Каныш.— И тихо, чтобы никто не слышал: — Поедем ко мне, Зоя пироги испекла.

— Выходи, Вася, к машине и немного подожди.

...Город провожал их еще оголенными деревьями. Улицы были очищены от снега, но, когда выехали в степь, на асфальтированную магистраль, на обочинах еще кое-где серели слежавшиеся снежные пласты.

Дорога соединяла Кенгир, как они называли по-старому Новый город, с Никольском и Рудником, поселками, теперь входящими в черту города. Косые, негреющие лучи закатного солнца высветляли линии электропередач, силуэты дальних копров — самых глубоких в стране медных рудников.

Когда проезжали Никольск с его кварталами новых, современных домов, Каныш Имантаевич сказал:

— А здесь, Вася, был твой лагерь. Я к тебе в тридцать шестом приезжал.

— И перебросил нас в пойму Кенгира, на съемку речных конгломератов. Мы там еще нашли старинные арабские книги. Помнишь?..

В поселок Рудник они въехали уже в сумерках. Василий Иванович жил там, где прежде был заезжий двор геологов. С тех пор здесь так и остались бревенчатые навесы.

Зоя Ивановна руками всплеснула:

— И ждала, признаться, и не ждала. А пироги-то, Каныш Имантаевич, еще горячие, словно подгадала.

Все здесь было знакомым. И подворье, и брезентовые плащи на вешалке, и эти просторные комнаты с добротной мебелью без входившей в моду полировки, и запах пирогов и баранины.

Ели без оглядки на диетические запреты. Сдабривали ужин шутками, воспоминаниями, понятными только им. Василий Иванович неожиданно нахмурился:

— Вот что я должен сказать. Опять меня сватают. В Министерство геологии. Говорят, засиделся. Да вот и дети уже в Алма-Ате учатся. А я не решаюсь.

Вероятно, Каныш Имантаевич знал об этом. Иначе бы он сразу не ответил так уверенно:

— И правильно делаешь, Вася, что не решаешься. Нельзя тебе никуда уезжать отсюда. Джезказган стоит того, чтобы ему посвятить всю жизнь, без остатка.

Помедлил немного и с теплой задумчивостью добавил:

— Да и мне спокойнее будет. В надежных руках наше дело. Впрочем, мое спокойствие — дело десятое. Исходи из интересов Джезказгана.

— Спасибо, Каныш. Твое мнение для меня решающее. Не уеду я отсюда. Не уеду. Слышишь, Зоя?

Они встали на рассвете. На въезде в Джезказган отпустили машину и пошли к Дворцу культуры пешком.

Город жил своей утренней жизнью. Домохозяйки спешили в магазины. Перед школой играли ребяташки. И дети, конечно, не могли догадаться, что эти двое высоких прохожих имеют самое прямое отношение и к школе, в которой они учатся, и к городу, в котором они родились.

А Каныш Имантаевич и Штифанов не могли и подумать, что вместе они проходят по Джезказгану в последний раз, что не пройдет и трех лет, как горнометаллургическому комбинату присвоят имя К. И. Сатпаева, из первой меди, которая будет здесь получена в день открытия XXIV съезда КПСС, отольют символический ключ от города. А местный скульптор из этой же меди сделает барельеф Сатпаева для краеведческого музея. Они не могли знать и того, что город Джезказган станет областным центром новой области, в которой будет сконцентрирована цветная металлургия республики, и прежде всего промышленность меди.

...В том же 1961 году Каныш Имантаевич побывал и в Баянаульском районе. Навестил зимовку-корык невдалеке от берегов речушки Ашису — Горькая вода. В низине, защищенной холмами от ветров, по-прежнему стоял деревянный дом, в котором он родился и провел детские годы. Каким маленьким показался он Канышу Имантаевичу теперь.

Он поднялся на тот холм, где находилась могила родителей: скромная ограда, мраморная плита. Старики, сопровождавшие Сатпаева, ожидали его у подножья холма. Ожидали долго, пока он был наедине с самим собою.

Когда Каныш, сын Имантая, снова вернулся в круг своих земляков, только очень внимательный взгляд мог обнаружить след печальных и высоких раздумий на его лице.

— Почему я не вижу Заира Казбагарова? Как он живет, где он?

— Вот он, Заир.

Не сразу узнал Сатпаев друга своего детства. Но тут же, как бы оправдывая свой городской вид, сказал:

— И я постарел, Заир. Если я отпущу бороду, надену чапан и возьму в руки палку — никто не скажет, что я моложе тебя. А помнишь, Заир, мы наперегонки бегали по склону и считали эту сопку высокой. Теперь идем медленно, и сопка кажется нам совсем маленькой.

— Это, Каныш, ты так видишь потому, что взошел на самую вершину.

— А если я, дорогой Заир, начну считать твои перегоны с отарами на джайляу, великий, наверное, получится путь. Давай лучше вспомним, как мы качались с тобой на качелях, вверх-вниз. Не забыл?

...Вечером на встрече работников совхоза, в центральной усадьбе, находящейся на территории аула № 4, Заир сел рядом с Канышем и очень обрадовался, когда Каныш пообещал помочь животноводам приобрести несколько племенных коров казахской белоголовой породы. В том, что Сатпаев выполнит свое обещание землякам, никто не сомневался. Но никто не думал в тот вечер, что они больше уже не встретятся, а совхоз через четыре года назовут именем К. И. Сатпаева.

Повидал Каныш Имантаевич и свою чудом сохранившуюся школу, вернее тот бревенчатый домик, в котором была его первая школа. И никак не мог себе представить, как столько ребят помещалось в узком сарайчике!

Ему приготовили ночлег в юрте на берегу Ашису, чтобы легче дышалось, крепче спалось. А он долго не мог заснуть, выходил, всматривался в ночную степь, в темные очертания баянаульских гор, в звездное небо. Как приблизилось к нему его аульное детство, долгие годы ученья!

Где-то совсем неподалеку находились сопки, окружавшие их зимовье. Трехглавая сопка очертания-

ми своими походила на подкову. Ее Подковой и окрестили. Красноватую гору называли Кзыл-Тас — Красным камнем. А гору, которая торчала каменной пикой, словно забытой в степи былинным богатырем — батыром, звали Найза-Тас — Пика-камень.

В горах были клады. Каныш слышал, что в год его рождения купец Сорокин раскопал курган в Баянаульской степи и нашел там золотое кольцо весом в четыре золотника, позолоченные бляхи.

Он любил слушать разговоры старших. Мысли о кладах время от времени завладевали и им. И не только о курганных. Вокруг были цветные горы и цветные камни. Зеленоватые. Дымчатые. Красных оттенков. Блестящие, как начищенный тульский самовар в юрте.

— Аже, бабушка моя,— обращался он к Нурум,— вот что я нашел. Это золото?

Он помнил недоверчивую улыбку на бесконечно добром морщинистом лице. Бабушка подарила ему каркаралинский ящичек-сундучок, украшенный красивым орнаментом. Каныш прятал в него свои находки и время от времени раскладывал их на кошке, как мозаику. Он втайне был убежден, что Нурум неправа и что он нашел сокровище.

Случалось, отец брал его с собой в Баянаул. Эта казачья станица, подымавшаяся добротными домами по взгорьям-террасам, была в глазах Каныша сказочно богатой и большой. В станице он научился разговаривать по-русски с казачатами.

Еще он любил откочевывать с семьей на джайляу — на пастбище, в урочище Шидерты.

Там, у юрты, в свою седьмую или восьмую весну, он кормил мелко нарезанными кусочками сырого мяса ловчего беркута и не боялся ни его острых когтей, ни его клюва. Несколько раз Канышу случалось бы-

вать на охоте, но еще раньше, мальчиком пяти-шести лет, он научился ездить верхом без седла и подчинять себе даже строптивого коня.

— Подрос, джигитом становишься,— сказал как-то отец.— Научился держать камчу. А перо-калам еще не бывало в твоей руке. Поедешь в четвертый аул учиться в школе. И по-арабски станешь грамотным, и по-русски.

В этой школе с учениками занимался мулла, который внушал ученикам мысли о вере. Он считал, что в Коране сосредоточена вся мудрость мира — и времен минувших, и времен будущих, поэтому мусульманам изучать русский язык не к чему и грешно. Однако двухклассная школа в четвертом ауле, единственная во всей волости, была русско-киргизской, и основные занятия в ней проводил учитель Григорий Васильевич Терентьев, бог весть почему уехавший из Казани в заиртышскую глушь и сменивший свое татарское имя на русское.

Григорий Васильевич начал курс, по обычаю, с «альпе», с арабской азбуки. Потом перешел на русский алфавит и с помощью хрестоматии Ибрая Алтынсарина учил детей читать сразу и на родном языке и на русском. Он требовал, чтобы его называли Григорием Васильевичем, а на уроках русского языка и арифметики говорили с ним только по-русски. Ученикам, бывавшим в Баянаульской станице, были знакомы многие русские слова. И Каныш, хотя и с трудом, тоже объяснялся с русскими приятелями отца. Мальчик даже помнил несколько станичных песен. Учитель удивлялся:

— Ну и память у тебя... Быть тебе толмачом при самом генерал-губернаторе.

Григорий Васильевич умел интересно рассказывать, умел увлечь жаждой новых знаний. После дол-

гих летних каникул на втором году обучения всем ученикам особенно понравились его уроки по географии и природоведению.

Он образно рассказывал детям, что ему самому было интересно. И про Млечный Путь, который оказался не Кушджол — птичьей дорогой, а скоплением звезд, и про моря-океаны, и про дальние города. Зимой он рассказывал, как образуется снег, о том, что есть страны вечного холода и вечного тепла, что есть два полюса — северный и южный. А весной показывал, как прорастают семена, объяснял, почему листья деревьев и трава зеленого цвета.

...Весною 1911 года Каныш окончил аульную школу. Имантай не без раздумий принял решение послать сына в Павлодар, в двухклассное русско-киргизское училище.

Лето было жарким, сухим. Рано пожухли травы, зелень осталась только у берегов озер и в поймах степных речушек. Но Канышу и эта знойная степь казалась прекрасной. Он словно прощался с ней, как простился ранним утром со своей второй матерью, бабушкой аже Нурум. Она прослезилась, потому что знала: Канышу будет одиноко в далеком городе, никто ему там не сделает таких румяных, хрустящих, пышных баурсаков в кипящем сале, не приготовит такого каурдака, как здесь, в ауле. Вот он как похудел, вытянулся в аульной школе. Что же — да сохранит его аллах — будет с ним в городе. Каныш растрогажился, разволновался при расставании, однако, как подобает мужчине, и виду не подал. Но детские тревоги, детская грусть, как белое легкое облачко: проплывет и рассеется.

Он все запомнил в пути. Могильные курганы и семью кривых низкорослых берез. Гранитных каменных баб с угрюмыми, некрасивыми лицами.

Лису, метнувшую хвостом и мгновенно скрывшуюся.

В закатный час зазеленели вербные рощи левого берега, а на правом берегу на песчаных холмах можно было уже различить постройки Павлодара, крест на церковной маковке, сверкавший в лучах уходящего солнца, пожарную каланчу из красного кирпича. Подъехали еще ближе. В проеме рощи блеснуло темное, спокойное издали зеркало Иртыша.

На широкой поляне белело несколько юрт. Паслись стреноженные кони. Дымились костры. Ближе к реке стоял длинный деревянный дом. Склады, как узнал потом Каныш. Высились, словно малые курганы, соляные бурты. Это и было Меновое поле, где павлодарские купцы вели торг со Степью.

К паромной переправе путники опоздали, пришлось дожидаться утра. Впереди был город, позади — родная степь. Каныш впервые надолго расставался с нею. Потом он вспоминал переправу через Иртыш, как переправу из детства в отрочество.

...Училище показалось ему дворцом по сравнению с аульной школой. Длинные коридоры, просторные классы, парты. Там, в школе четвертого аула, они сидели на полу, поджав ноги. И если не хватало места за одним из круглых низеньких столиков, то раскладывали тетрадки на коленях и писали согнувшись в три погибели.

В училище Канышу было интереснее, чем в школе. Он настолько хорошо подготовился к занятиям и так быстро овладевал русским языком, что уже в середине года его перевели в следующий класс.

Он сидел на второй парте, большеголовый, большеглазый, и мало отличался от своих сверстников.

Только вошел в класс учитель Николай Ермилович Алексеев, раскрыл учебник, как Каныш вполголоса затянул и чуть ли не весь класс подхватил:

— Дай, добрый товарищ, мне руку свою.

Дело в том, что в учебнике, называвшемся «Книгой для обучения русскому языку в инородческих школах», было множество назидательных изречений и всяческих стихотворных строк. Алексеев называл этот учебник «добрым товарищем». Так прозвали и Николая Ермиловича.

Учитель рассердился:

— Тихо! Будет диктант. А «добрых товарищей» оставляю без перемены.

Однажды учитель рассказал классу о полезных ископаемых.

— А у меня есть! — воскликнул Каныш.

— Что у тебя есть? — уставился на него с удивлением учитель.

— Разные камни. В моем сундучке хранятся.

— Что же, принеси в класс.

И Каныш пришел с каркаралинским сундучком, подарком аже Нурум. Товарищи рассмеялись:

— Каныш теперь вместо школьного ранца будет носить сундук.

Учитель внимательно рассматривал камешки. Часть сложил обратно в сундучок, несколько образцов оставил на столе. Про один, серенький, невзрачный, сказал, что именно в таких встречается золото. Потом долго любовался изумрудно-зеленым камнем.

— Запомните: малахитом называется. Из него медь выплавляют.

Каныш вспомнил степь. Она ему казалась малахитовой.

— Значит, медь дороже золота?

— Нет, этого я не говорю. Но золота у нас не так много, его на золотники считают. Слыхали поговорку — мал золотник, да дорог? А медь — на пуды, на сотни пудов.

И, уже обращаясь прямо к Канышу, добавил:
— Молодец!

Наступила еще одна весна, последняя павлодарская весна Каныша. Приближались выпускные экзамены. Устный и письменный по русскому и математике, устные по истории и географии. К ним лихорадочно готовились в училище. Волновались и преподаватели и учащиеся: на экзаменах обещал присутствовать инспектор народных училищ, известный своим крутым характером и болезненным пристрастием задавать заковыристые вопросы. Каныша эти волнения обошли: он был уверен в себе. Он возмужал и выглядел старше своих пятнадцати лет. Его беспокоили мысли о другом — как продолжить образование? Старшие, с кем он советовался, прежде всего отец Имантай, сходились на том, что надо ехать в Семипалатинскую учительскую семинарию. К такому решению склоняла и семинарская стипендия. Семипалатинск, Семей, как называли его казахи, прельщал Каныша еще и потому, что там учился и подолгу жил великий поэт Абай. Этот город на Иртыше знали и любили в Степи.

Созданная в 1904 году учительская семинария, казалось бы, должна была отличаться официальным верноподданническим духом. Но это было далеко не так. Даже в некоторых государственных учреждениях города работали ссыльные революционеры, не говоря уже о местном отделении Российского географического общества, влиявшем на общественную жизнь города. Этого влияния не избежали и многие из тех, кто преподавал в семинарии, в частности отец Борис, совсем не походивший на обычного священнослужителя. Борис Герасимов занимался делами, не имевшими никакого отношения к его сану: тщательно изучал, например, жизнь сосланных в Семипалатин-

скую область польских революционеров, а позднее написал исследование о пребывании Достоевского в Семипалатинске. Связаны были с революционно-демократическими кругами и братья Белослюдовы, один из которых преподавал в семинарии.

Казахов в семинарии можно было перечесть по пальцам. И хотя им, равно как и татарам, предоставлялись места в счет процента для мусульман, муллы не очень-то заботились об их религиозном воспитании. Не было до них никакого дела и служителям православия. Конечно, все молодые казахи знали друг друга. Очень немногочисленная казахская интеллигенция смотрела на них как на свой резерв, как на будущих образованных людей, не в пример обычным аульным мугалимам — учителям. Но не надо скрывать, как не надо и преувеличивать того обстоятельства, что к делу воспитания казахской молодежи стремились приложить руки и некоторые деятели из казахской националистической организации.

Габдулгани-Каныш Сатпаев поступил в Семипалатинскую учительскую семинарию в 1914 году.

В первую же осень он познакомился с Мухтаром Ауэзовым из Чингизской волости. Ауэзов был старше Сатпаева года на два и уже принимал участие в большом вечере, посвященном Абаю в связи с десятилетием со дня смерти поэта. Мухтар читал Толстого и Достоевского, увлекался историей и литературой. Естествознанием интересовался меньше, чем Каныш. Но, впрочем, и Мухтар был внимательнейшим учеником преподавателя естествознания Белослюдова.

Белослюдов порастил Каныша. Русский человек, а как хорошо изучил степь. Братьев Белослюдовых уважали в Семипалатинске. Один — художник, другой — краевед, они многое сделали для изучения

Прииртышья. Уроки Белослюдова отличались и глубиной, и яркостью формы, и обилием материала.

Однажды Белослюдов повел семинаристов в Батальонный переулок, в музей, где были собраны памятники старины — археологические, исторические и этнографические, представлены, как говорили тогда, произведения природы — образцы растительного, животного и минерального мира. У Каныша разбежались глаза. Что его каркаралинский сундучок по сравнению с этой коллекцией! Какие удивительные кристаллы — дымчатые и совсем прозрачные, поражающие сложной геометрией формы, какие пестрые цвета рудной палитры.

Тревожно было зимой 1915 года в Семипалатинске. По городу ходили тревожные слухи о тяжелом положении на фронтах. Из аулов на военную службу, правда, не призывали. Но местное население подлежало мобилизации на тыловые работы. Болосы — волостные начальники — составляли списки мобилизованных, освобождая тех, кто хотя и подлежал призыву по возрасту, но мог дать взятку. Степь начинала волноваться, и это находило отголосок в городе.

Почему идет война? Почему так много несправедливости в обществе? Почему такой произвол в аулах?

Словно в ответ на эти и многие другие вопросы в семинарию начали проникать и запрещенные брошюры, и социал-демократические листовки.

Однажды Каныш встретился со своим земляком — просветителем и поэтом Султанмахмутом Торайгыровым. Тот вручил семинаристу толстую книгу, попросил ее никому не показывать. Это был «Капитал» Карла Маркса. «Нужно сказать, что с некоторыми трудами классиков марксизма я был знаком с 1915—1916 годов, то есть еще в семинарские годы», — говорил Каныш Имантаевич впоследствии. И

как ни увлекало естествознание, в ту пору формирования личности Сатпаева в нем преобладал интерес к общественным наукам, к истории и политической экономии. А когда в стенах семинарии заговорили о восстании в степи и назывались имена народных вожаков, в том числе Амангельды Иманова из далекого Тургая, мысли Каныша сосредоточились на судьбе его народа.

Из Баянаула не приходило никаких вестей. Может быть, и там беспокойно?

Член ревкома и народный судья

Каныш заканчивал семинарию памятной весной 1917 года. Из далекого Петрограда пришла весть о свержении царя. Революция, которую еще вчера только предчувствовали, стала явью.

В затоне, где ремонтировались корабли паровозного общества «Меркурий», в мастерских на станции железной дороги, в цехах небольших окраинных заводов и фабрик появились первые большевистские агитаторы из городской социал-демократической организации. С красными бантами на груди ходили по городу не только рабочие, ремесленники, учителя, но и офицеры гарнизона и городские чиновники. Ожились и друзья члена кадетской партии и депутата Государственной думы Алихана Букейханова. Самые знатные баи по феодально-родовому ритуалу подняли его на белой кошме и объявили ханом. Одни говорили о том, что над степью должно взвиться зеленое знамя ислама. Другие, как поэт Сабит Донентаев, прославляли свободу, демократию, дружбу с русским народом. Но и они еще смутно разбирались в том, кто такие большевики и кто такие меньшеви-

ки, преобладавшие, кстати сказать, в первом Семипалатинском Совете.

Съезд казахских хозяев-скотоводов, иначе говоря шаруа, в Семипалатинске большинством голосов крупных баев и мусульманской националистической интеллигенции поддержал Временное правительство, потребовал войны до победного конца. Смело и одиноко прозвучала на съезде речь каркаралинца Нурмакова, решительно присоединившегося к большевикам. Он, Нурмаков, хорошо знал нужды и чаяния аульной бедноты, выступавшей и против царских «майыров», и против своих «благодетелей» — баев.

Свобода, свобода! Каныш всем сердцем был за свободу, но смысл развивающихся событий был ему далеко не ясен. И не сразу он нашел свое место в этих бурных событиях. После окончания семинарии его направили преподавать естествознание на курсы учителей аульных школ.

Он тщательно готовился к урокам, но все чаще и чаще ловил себя на мысли, что его слушатели ждут ответа на те же вопросы, которые он сам себе задавал. Кто такие большевики? За что борются Советы?

Когда свершилась пролетарская революция в Петрограде, разделились между собой даже слушатели курсов: одни были за, другие — против решительных действий. Канышу становилось труднее с каждым днем. И духовно и физически. Он часто чувствовал недомогание: болела грудь, мучил по ночам кашель.

Выбивали его из колеи и встречи с участниками националистических сборищ в пригороде Семипалатинска. Они стремились заполучить себе молодого способного учителя и внушали ему, что он, достойный джигит, искушенный в науках, должен избрать путь, благословленный духами предков, что, дескать,

Алихан Букейханов лучше знает, куда идти казахам. Но в самом ли деле все знает этот новоявленный вождь?

Подходил к концу бурный семнадцатый год. Власть в Семипалатинске еще принадлежала меньшевикам. Но 20 декабря их изгнали из городского Совета. Первый день нового года ознаменовался созданием самостоятельной большевистской организации. В городе появились отряды Красной гвардии. Обеспокоенные белогвардейцы удвоили караулы, держали наготове оружие. За большевиками шел трудовой люд, солдаты. Безземельные джатаки, рабочие городских боен — словом, вся казахская голытьба решительно стала на их сторону.

Восстание началось в ночь со 2 на 3 февраля. Утром 4 февраля 1918 года в городе победила Советская власть.

Победила, но ненадолго. Молодой Советской власти трудно было защищаться в Семипалатинске от белогвардейского окружения и еще достаточно сильных внутренних контрреволюционеров. В начале июня Семипалатинск снова оказался в руках белых. Белые учинили жестокую расправу над руководителями Совдепа. Оставшиеся в живых большевики ушли в глубокое подполье.

Однажды, вернувшись с занятий, Каныш сильно закашлялся и увидел на платке кровь. Пришлось обратиться к врачу.

— У вас чахотка, молодой человек. Единственное спасение — покой, степной воздух, кумыс.

Болезнь подкралась к нему исподтишка. Десять лет учения, упорного, изнурительного учения, надломили здоровье.

Надо было уезжать в аул. Только там он может поправиться.

...Первое время, вернувшись в эль — на землю дедов и прадедов, он ушел в себя и даже не особенно охотно рассказывал своим сородичам о событиях в Семее, Омске, Оренбурге — Орынборе.

Кашель прекратился не сразу. По утрам он еще чувствовал слабость. И все-таки болезнь отступала. Он несколько раз выезжал верхом со своим повзрослевшим другом — чабаном Заиром. — на охоту. Впрочем, они больше разговаривали, чем охотились. Останавливались у подножья сопки, делали привал, пили родниковую воду. Заир был за Советскую власть, за большевиков, Каныш не без удивления слушал о том, как друг говорил ему о Ленине, о том, что скоро победят Колчака.

И теперь Каныш, как в отроческие годы, примечал цветные камни, но редко привозил в юрту поразившие его находки. Другие заботы волновали его. Он ложился спать, запрокинув голову на подушки, и звезды просачивались сквозь открытый шанрак — верхнее кольцо купола юрты. Грудь больше не болела, надо было приниматься за работу. Но не возвращаться же в Семипалатинск!

1919 год начался усиленными реквизициями скота и всяческими поборами со стороны белых. Смотреть было больно на ограбленных земляков. Из Семипалатинска привозили листовки белогвардейцев о мнимых подвигах алашских отрядов в борьбе с большевиками, а из далекой тургайской степи достоверно передавалась от кочевья к кочевью устная почта о комиссаре Степного края Алибии Джангильдине, о бесстрашных красных отрядах аульных добровольцев Тургая, о том, что настоящие джигиты вступают в Советский конный полк.

Осенью 1919 года фронт неудержимо подкатывался к городам Приишимья и Прииртыщья. Красная

Армия, опираясь на партизан, на большевистских подпольщиков, одерживала победу за победой.

1 декабря снова стал советским Семипалатинск.

Значит, чабан Заир оказался прав. Интересно, что сейчас говорят велеречивые деятели Алаша. Как они хотели, чтобы и он был безраздельно с ними. Как обрабатывали его именитые сородичи! Не вышло. Пусть в самом начале революции ему не удалось определить свое место в борьбе. Теперь-то он твердо знает, на чьей стороне правда. Родная степь помогла ему избавиться не только от болезни.

Зимой Каныш переехал из урочища Ашису в Баянаул и поселился в доме знакомого мугалима — учителя.

Баянаул распрощался с прежней тишиной. Станица бурлила. В бывшей канцелярии атамана сидел представитель Особого отдела и регистрировал всех, служивших в армии Колчака. Мобилизованных насильно отпускал с добрым напутствием, но тех, кто добровольно принимал участие в реквизициях, и бывших офицеров отправлял в Павлодар.

Ежедневно проводились митинги. То казачьей бедноты, то революционной молодежи, то бедняков-кедеев, то просто мусульман, то служащих и учителей. Сатпаев несколько раз слушал речи уполномоченного Сибревкома. Оратор призывал бороться со спекулянтами и саботажниками, клеймил позорные обычаи прошлого. Одну из своих речей он целиком посвятил борьбе с неграмотностью. На митингах принимались приветствия товарищу Ленину и освободительнице народа — Красной Армии.

Однажды Сатпаева навестил мулла.

— Скажи мне, Каныш, сын набожного Имантая: что делать сейчас правоверным мусульманам, как исполнять нам волю аллаха?

Каныш ответил не сразу:

— Что вам может посоветовать простой мугалим? Я думаю, русскому священнику из казачьей церкви ближе ваши тревоги, уважаемый мулла...

Уполномоченный ревкома вызвал однажды Сатпаева к себе:

— Мы знаем вас, товарищ Сатпаев, как образованного человека. Вы и семинарию окончили, и преподавали на учительских курсах. Слышал я, что наши враги возлагали на вас некоторые надежды. К счастью, их надежды не оправдались. Теперь есть где применить ваши знания. Мы хотим вам поручить большую работу. А что бы вы сами хотели делать?

— Скажу откровенно, больше всего мне сейчас хочется сдать экзамен на аттестат зрелости. Учительская семинария нам его не дала. А работать, я понимаю, надо. Буду очень рад, если сумею передать частицу своих малых знаний моим соплеменникам.

Уполномоченный посмотрел на Каныша не то одобрительно, не то изучающе.

— Аттестат зрелости подождет. Не в аттестатах сейчас дело. С головой надо уйти в работу, товарищ Сатпаев, и без промедленья.

Вскоре после этого разговора, 18 марта 1920 года, в Семипалатинский губревком была послана телеграмма:

«Согласно поручению уездного ревкома на основании телеграммы губревкома мною организован Баянаульский районный ревком в составе предревкома Богаченко, членов Каныша Сатпаева, Зарембо, Калачеина, Айтбакина. Прошу срочное утверждение. Инструктор Каркаралинского уездного ревкома Керейбаев».

Этой же весной в Баянауле было создано два отдела культпросветработы — казахский и русский.

Сатпаев стал председателем казахского и членом правления русского культпросветотдела. Организовывал кружки по ликвидации неграмотности, делал доклады и читал лекции на самые разнообразные темы: и о происхождении Земли, и о международном положении, и о том, есть ли бог, и даже о борьбе с тифом.

Попробовал он свои силы и как организатор художественной самодеятельности: поставил пьесу «Энлик-Кебек», переписанную для него автором, Мухтаром Ауэзовым, еще в Семипалатинске. И сам играл в спектакле, и — об этом особенно много говорили — привлек к участию аульных девушек. По тем временам это было неслыханной смелостью.

Неожиданно Каныша Сатпаева вызвал в Павлодар председатель уездного ревкома Павел Поздняк. Имя Поздняка часто называлось в Баянауле, и в представлении Сатпаева это был суровый военный человек. Но Каныша встретил озабоченный рабочий в черной косоворотке и потертой кожаной тужурке. Трудно было определить, сколько ему лет. Глаза вроде молодые, а лицо в морщинках. Вид усталый, а сам держится бодро, улыбается.

Сатпаев мельком увидел на столе Поздняка среди сводок и газет свою анкету, заполненную им в Баянауле недели две назад. Но предревкома ни разу не заглянул в анкету во время разговора, он знал, оказывается, о Сатпаеве значительно больше, чем тот мог предполагать.

Председатель уездного ревкома разговаривал с Канышем неторопливо и основательно. Вначале расспрашивал его об аулах, потом как бы невзначай поинтересовался, насколько Сатпаев осведомлен о родовых обычаях, попросил объяснить роль биев — родовых судей.

Сатпаев объяснил, как умел. И, взглянув на Поздняка, вдруг понял, что тот его проверяет.

— От советов людей, умудренных опытом, мы и теперь не будем отказываться,— заявил Поздняк.— Но опыт опыту рознь. Бии, товарищ Сатпаев, часто зависели от тех, кто владел богатством. К чему далеко ходить за примерами. Ведь и ваш отец участвовал в разбирательствах. Не так ли? Говорят, стремился к справедливости. Но всегда ли это у него выходило? Курс нам надо держать на людей нового толка. На молодых! И из коренного населения, чтобы разговаривать в аулах на родном языке. Слышал я, ты хорошо лекции и доклады читаешь.

Каныш опустил голову:

— Читаю, конечно. А вот хорошо ли — не мне это знать. Объяснять надо азы! У нас почти все неграмотные.

— То-то и оно. А человек образованный, с ясной головой — на вес золота. К мировой коммуне идем. А тут голод, воровство, враги хотят растащить народное добро. Врангель еще не разбит. Антанта не дремлет. Лучшие коммунисты ушли на фронт.— Поздняк оборвал себя на полуслове: — Что это я разговаривался. Тебя агитировать не надо. Я вот в твоей анкете прочитал, что ты имеешь склонность к истории и экономике. Дельно. Учись и других учи. От книг и лекций я тебя не освобождаю, но это — в свободное время. Будешь народным судьей. В Степи привыкли: что ни судья, то взяточник. Имущего не обидит и себя не забудет. Да и у нас в России говорили, бывало: суди меня, судья неправый! А ты человек честный. Люди тебя знают, тебе поверят, и мы доверяем. Блюда революционный закон!

Слово «революционный» он произнес с жаром, и лицо его просветлело, словно и усталости не было, и

бессонных ночей. Но, как бы смутившись, как бы сочтя не совсем уместным этот пафос, Поздняк совсем буднично спросил:

— Значит, говоришь, Маркса немного читал?

Сатпаев кивнул головой и подумал: «Кто-то и об этом успел сообщить». Поздняк продолжал:

— Хочу вот что еще тебе сказать. Если какие-нибудь трудности возникнут, не стесняйся, обращай прямо в ревком.

На прощанье Поздняк крепко пожал ему руку и еще раз напомнил, как нужны в аулах молодые, образованные и, безусловно, честные люди.

Сатпаев погружался в работу судьи, как прежде в книги. С интересом и добросовестностью, вникая в детали и смысл каждого преступления, каждой тяжбы. Дела со спекулянтами решались сравнительно просто. Труднее было с извечными спорами из-за джайляу. Особенно в тех случаях, когда долгие словесные распри заканчивались захватом пастбищ. Нередко случалось, что правда была на стороне тех, кто насильно отбирал землю, которую мог бы получить законным путем. В таких делах от судьи требовались осмотрительность и принципиальность. Вынесет народный суд постановление о возвращении земли обратно — заропщут в Степи, будут говорить о несправедливости, о том, что Каныш, сын Имантая, поддерживает старый порядок. Не накажет суд драчунов, — пойдет молва: мол, Советы велят — разбойничайте сколько угодно!

— Судье в Степи надо быть царем Соломоном, а я всего-навсего мугалим Каныш, — шутил в кругу товарищей Сатпаев.

Но самыми сложными были родовые тяжбы, насильственный увод невест, калым. Аульные женщины, по наблюдениям Каныша, были не лишены не-

которой самостоятельности и могли вступать в споры с мужчинами, но власть обычаев была так велика, что они безропотно подчинялись своей судьбе и когда их отдавали замуж за нелюбимого, и когда муж вводил в дом вторую жену, помоложе.

Всякий раз, когда приходилось решать трудное и запутанное дело, Каныш вспоминал Павлодарский ревком и Поздняка. Он был благодарен предреволюма и за доверие, и за доброе напутствие.

Нет, он не жалел, что стал народным судьей. Он узнавал жизнь, приносил пользу людям. «Вы один из первых советских работников в уезде из национальной интеллигенции», — сказал ему побывавший в Баянауле семипалатинский комиссар.

И все-таки мысль о том, как окончательно определить свое будущее, не давала покоя Сатпаеву.

И еще одно, уже побочное, обстоятельство выводило из равновесия молодого судью: слишком много было канцелярской работы.

«Смею донести, — писал он в уездный Совнарсуд 16 декабря 1920 года, — что положение дел в 10-м участке катастрофическое. Сейчас в канцелярии дел больше 300, не считая законченных. Канцелярские силы очень слабы. Это — люди большей частью незнакомые с азбукой канцелярских работ. Кроме того, даже наиболее деловитые, в относительном смысле, служащие, а именно корреспонденты Магаров и Абсалямов, с 1 декабря 1920 года поступили в трудовую школу 2-й ступени, где они раньше обучались. Я был не в силах и не имел морального права сдерживать их благие стремления продолжать свое образование. На их место пришлось посадить, почти с улицы, двух совершенно не знакомых с канцелярской работой людей... Здесь в районе вообще нет подходящего лица для замещения должности секретаря.

Вся тяжесть канцелярии до сих пор всецело возлагалась на нарсудью 10-го участка, т. е. на меня. Но я больше не могу, не в силах в интересах интенсивного хода работ по слушанию дел дальше нести обязанности секретаря...»

Сквозь официальные строчки докладной записки проступают и доброта, свойственная Канышу Имантаевичу, и желание работать в полную силу, сбросив бремя второстепенных канцелярских забот. Работать для своей социалистической республики. Ведь полгода назад Степной край, Степь (это слово часто так и писалось с большой буквы), включавшая в себя Приишимье, Тургайскую и Уральскую области, часть Прикаспийской равнины и Астраханской губернии, стала по декрету, подписанному 26 августа 1920 года Владимиром Ильичем Лениным и Михаилом Ивановичем Калининым, Автономной Киргизской (казахской) Советской Социалистической Республикой. В Оренбурге состоялся Первый учредительный съезд Советов новой автономии. И хотя Семипалатинская область еще подчинялась Сибирскому ревкому, Сатпаев чувствовал себя гражданином Казахской республики и готов был выполнить до конца свой сыновний долг перед ней.

Спасибо вам, Михаил Антонович!

Введем в наше повествование нового героя. Их будет много в этом рассказе. И каждый человек, прикасаясь к судьбе Сатпаева, оставлял в ней яркий след. Но эта встреча оказалась во многом поворотной в жизни Каныша Имантаевича.

...Михаил Антонович Усов, щурясь от удовольствия, медленно и глубоко вдыхал утренний воздух.

В нем был особый привкус степных трав, медово пахнущих после ночного дождя. Слабый ветер с гор доносил сюда, к берегу речушки, дымок аульного очага. Дымок был тоже приятен: он отдавал смолистой горечью сосны и духовитостью березовых дров.

Вдох, выдох... Усов прислушивался к себе. Легкие не скрипели так, как прежде. Больше месяца он уже в степи. Сначала Чингизтау, а теперь Баянаул. Он привыкал к воздуху Баянаула, к воздуху степей. Привыкал пить кумыс, как ему настоятельно советовали томские врачи. И от здешнего воздуха, и от здешнего кумыса он испытывал легкое головокружение. Не болезненное, нет! Скорее, как от бокала легкого виноградного вина. Ему приходилось пить кумыс и раньше, почти пятнадцать лет назад, когда был в Джунгарской экспедиции с Обручевым. Но тот кумыс мало походил на баянаульский. Он совсем не пьянил, был жирным и желтоватым. Владимир Афанасьевич Обручев, опытный путешественник, даже не советовал его пить. И воздух Джунгарии был суше, резче, грубей.

Как это хорошо, что он поехал за Иртыш, повидал наконец и Баянаул, о котором в Томске давно шла добрая молва. Усов радовался и новому знакомству. Ему очень понравился народный судья Каныш Сатпаев, державшийся с достоинством, вежливый и предупредительный, любознательный, но умеющий не докучать, способный молодой человек.

Они как-то сразу пришлись по душе друг другу. Каныш Сатпаев отлично понимал, что такое туберкулез. «Я буду лечить профессора, как лечили меня», — говорил он. И вот уже четвертый день профессор Томского института Усов жил вместе с Канышем в одной юрте.

С утра Михаил Антонович уходил к речушке, умывался, делал легкую гимнастику и шутливо разговаривал сам с собой:

— Что же, милый магистр минералогии! Что ж, уважаемый экстраординарный профессор, благодарите гостеприимную юрту и целебный воздух степи!

— Доброе утро, Михаил Антонович!

Усов теперь из тысячи голосов узнал бы этот чуть глуховатый баритон и удивительную манеру мягко, с едва ощутимой гортанностью выговаривать русские слова.

— Я не нарушил вашего уединения?

— Нет, дорогой Каныш, разве вы можете мне помешать?

Каныш дружелюбно и вежливо улыбался. Был он росл, плечист, курчавились черные волосы, но выглядел бледнее своих сверстников, аульных джигитов. Каныш был и аульный и городской — курткой своей, низкими сапогами, зачесом волос, размеренными и округлыми жестами.

— Я, Михаил Антонович, только проснулся, подумал: не совершить ли нам сегодня экскурсию? День-то какой хороший! Я знаю, вы любитель ходить пешком, но на этот раз давайте поедem. Я вам смирного коня выберу. Поедем? А?

Михаил Антонович поднялся с гладкого, уже прогретого солнцем камня.

— Поедем, Каныш, поедem. Только, чур, уговор: скачек устраивать не будем. Наездник я плохой, больше к пешему хождению привык. Позавтракаем — и в путь.

...Степь завладевала ими. Чистотой воздуха, простором, шелестом трав. Орлы, казалось, сторожили степной покой, зорко осматривая все вокруг с холмов, с брошенных копешек прошлогоднего сена, и, только

когда всадники приближались к ним, лениво взмахивали крыльями и нехотя поднимались в воздух.

В какую бы сторону ни ехали всадники, горы Баянаула не расставались с ними. Они не приближались и не удалялись, только меняли цвет — от дымчато-лилового в полдень до густых синеватых тонов к закату.

— Каныш, а что означает название Баянаул?

Профессор и судья ехали рядом, стремя в стремя.

Каныш рассказал о разных толкованиях названия, подчеркнув, что, пожалуй, ближе всего к истине монгольский вариант: Баян-Ола — Богатая гора.

— Есть, Михаил Антонович, и преданье, связанное с легендой о красавице Баян-Слу, нашей казахской Джульетте, верной своему Ромео, Козы-Корпешу.

— Так, может, Баянаул богат и красавицами? — пошутил Усов.

Каныш легонько взмахнул камчой. Кони пошли быстрее. В пути, особенно в степи, неизбежно наступают такие долгие минуты, когда человек уходит в себя, просто не замечая присутствия другого. И еще на степной дороге хочется петь.

И Каныш запел. Сначала тихо, а потом все громче и громче знакомые баянаульские песни.

Нет, такого коня я себе не добыл,
Чтобы с ним на байге состязался Сур-кзыл.
...Дни ушли... Где прохлада тенистая юрт,
Где ночного костра и тепло и уют?
Помнишь, сходятся наши аулы в степи,
Как ягнята друг к другу доверчиво льнут.

Слова были грустные, но от них теплее становилось на душе. И всадник сливался с конем, и конь сливался со степью.

Усов немного приотстал на своем гнедом со звездочкой. С порывами ветра до Усова доносился протяжный голос, он улавливал ритм песни, то замедлявшийся, то убыстрявшийся. Михаил Антонович не пытался вслушиваться — слишком привлекала его степь и эти сопки, тускло поблескивающие на солнце гранитными выступами.

Сколько они ехали так? Полчаса, час? Может быть, пора сделать привал?

— Каныш Имантаевич, вы совсем забыли, что я не джигит.

Пришлось несколько раз повторить, и только тогда Сатпаев придержал коня, смущенно оглянулся, и они снова поехали стремя в стремя.

— Вы уж извините меня, размечтался...

— А вы думаете, я не понимаю вашего состояния? Молодые люди, слава богу, всегда у меня перед глазами. Вот уже сколько лет не расстаюсь со студентами. Люблю студентов, Каныш. Признаться, я сейчас представил вас своим учеником.

Сделали привал у сопки, не доехав до родников, обещанных Сатпаевым Усову. Соблазнял: струями бьют из-под камней — сильные, чистые. И вода, говорил, целебная.

Сопка была как сопка. Мало чем примечательная. Их называют в Сары-Арка овечий камень. Если таких сопок много и они сбегаются друг к другу, издали кажется, что на степном разнотравье пасется отара.

Сопка была обычная. Но уж больно хорошо, окомно открывались отсюда степь, и взгорья, и далекое озерцо, глазасто синевшее сквозь густо-зеленые заросли камыша.

Каныш расседлал и гнедого со звездочкой, и своего игреневого, отвязал от седла туго сплетенные из конских волос чембуры и стреножил коней. Он подо-

шел к Михаилу Антоновичу, который заинтересовался каменным выступом и уже раза два стукнул по нему своим молотком.

— Что-нибудь интересное обнаружили?

— Здесь все интересно, Каныш. Мелкосопочник этот таит всякие неожиданности. Кстати, что значит Сары-Арка?

— Желтая спина, Михаил Антонович. Недолго здесь держится зелень. Выгорает степь, не дожидаясь осени. Желтой становится степь. И спиной зовется не случайно. У нашей степи есть как бы водораздел. По обе его стороны стекают реки. Одни добираются до Иртыша. Другие теряются в песках. Мы и себя сарыаркинцами называем. Сары-Арка — она большая. За ней Иртышская равнина, за ней Тургай, за ней горы. Сары-Арка — дом мой, отчая земля, эль, как говорили в старину. Просторнейший дом. Кому-нибудь здесь и тоскливо, но не мне. А вам как?

— И мне здесь не тоскливо. Геологу весь земной шар нужен. Я, правда, не такой жадный. Многого не повидал и не увижу. Но и сиднем сидеть не люблю. И Кузнецкий бассейн изъездил, и бывал в Восточной Сибири в полевых экспедициях. Да и о ваших степях получил некоторое представление. У вас тут, доложу, исключительно интересно. Я вам, помнится, рассказывал про Эоловый город. Речушка такая Дям в Джунгарии есть. И на берегу Дяма — высокие замки, квадратная башня, стены, какие-то улицы, площади, переулки. Целый город. Но там никогда не жили люди. Бог Эол, повелитель ветров, — вот кто его построил. Он потрудился и в Баянауле. Изваял голову коня. И построил бойницу вашего батыра Джасыбая. И лабиринт у озера Торайгыр — его работа. Эолу помогают вода и время. Они и нашу сопку создали. Смотрите, какой выступ. Пистолет, да и

только! Вон как рукоять выточена. Призадумайтесь, какая древняя эта степь! Когда-то она была морским дном, когда-то здесь и ледники были. Мне всегда интересно слушать, когда вы рассказываете про степь. Но если увидите ее глазами геолога — вы вдвойне оцените ее богатства. Вы ведь образованный человек.

Каныш мягко, но решительно перебил:

— Не надо преувеличивать, Михаил Антонович, какая уж там образованность. Это наши старики гордятся мною. Я понял, как мало знаю, с той поры, как пробую самостоятельно заниматься. Ну, а что касается богатства степи, я верю в него.

Каныш хотел еще сказать о своей вере в будущее степи, о раздумьях над своей собственной судьбой, но он только спросил:

— Извините, Михаил Антонович, сколько вам было лет, когда вы поступили в институт?

— Мне? Восемнадцать без малого.

— Вот видите, я уж три года пропустил.

— Не казните, Каныш. Ваш опыт и в институте пригодится. Если решитесь, конечно. У вас еще все впереди.

Усов замолчал и взглянул на Сатпаева так, что его молчание было многозначительнее всяких слов.

— Не так легко мне принять верное решение, — тихо сказал Каныш.

Он выбрался из уютной травянистой ложбинки у края сопки и зашагал к лошадям, которым путы не помешали отдалиться от привала на полверсты.

Снова они ехали некоторое время молча.

И, обращаясь скорее к себе, чем к Сатпаеву, Михаил Антонович сказал:

— Я убежден, со временем здесь будут палатки геологов. Как и повсюду в этой степи. Ее перспективы даже трудно представить. Кое-что известно,

о многом можно догадываться, но обнаружится и совершенно неожиданное.

Усов говорил сдержанно, даже суховато, но Сатпаев понял, что слова профессора обращены непосредственно к нему, что профессор заинтересовался его судьбой и, может быть сам еще того не зная, проник в самые сокровенные его раздумья.

Они совершили еще несколько поездок в степь. С каждым днем становилось все жарче. И к разговору об учебе Усов вернулся в баянаульском лесу на берегу озера батыра Джасыбая. Сама уединенность располагала к откровенности.

— Послушайте, Каныш, я много думал о вас в эти дни. У каждого судьба складывается по-своему. Вы тянетесь к науке и любите степь. Вот вам и сумма двух слагаемых. Ваша родная степь — классическая школа для геолога. Идите учиться! Приезжайте к нам в институт. Этой же осенью, не откладывая. Уже через пять лет вы увидите степь другими глазами. Болезнь, говорите, может помешать. Болезнь — любому делу враг. А у геологов есть свои преимущества: практика в поле, на свежем воздухе.

Слегка близорукие глаза профессора дольше, чем обычно, задержались на Сатпаеве. Михаил Антонович старался помочь Канышу сформулировать его же собственные мысли. Сын барабинского крестьянина, сам прошедший трудную школу, Усов за эти летние встречи открыл для себя Сатпаева — смотрел на него как на своего будущего ученика. Это почувствовал, это понял Каныш. Он был уже согласен с профессором, но для твердого решения требовалось все еще раз взвесить и обдумать.

Он долго не спал в эту ночь. Не может того быть, что его не поймет предревкома Павел Поздняк. В конце концов Каныш наладил работу судебного

участка и даже такого секретаря нашел, что его хоть завтра можно назначить судьей. Вспоминал «Назидания» Абая. Не приобретай знаний для того, чтобы хвастаться. Люби науку, как мать любит своего сына. Кто любит дорогу, тот находит клад. Он, Каныш, любит науку и дорогу, любит родную землю. Значит, найдет и клад. Юридические науки не его удел, Михаил Антонович прав — ведь и до встречи с профессором он с бóльшим вниманием слушал лекции Белослюдова, чем других учителей. А каркаралинский сундучок? А музей? Недавно он побывал на Экибастузских копях. От Баянаула до них рукой подать. Он видел многих казахов-горнорабочих, но горные инженеры казахи на его пути не попадались. Михаил Антонович прав. Разве кому-нибудь легко достается наука? Но он должен стать на этот путь, как ни трудно уехать именно теперь из родных мест.

На следующий день он сказал Усову о своем решении. И профессор подарил ему геологический молоток, с которым до этого не расставался.

А добиться согласия на увольнение с должности судьи и получить командировку из Семипалатинска Сатпаеву как раз и помог предревкома Поздняк. И пожелал счастливого будущего!

До этого Каныш жил только в двух городах — тихом маленьком Павлодаре и Семипалатинске. Павлодар и Семипалатинск дышали степью, Иртышом. Томск встретил его запахами тайги — березы, сосны, незнакомого Канышу кустарника.

Запах начинающей опадать листвы и хвои он ощутил сразу, как только прошел через каменный высокий вокзал к въезду в город. И еще его сразу поразило множество студентов. Словно вся молодая Сибирь съехалась сюда.

...Каныш не без труда отыскал горный факультет, служебный кабинет Усова. С лица профессора еще не успел сойти степной загар. Канышу не удалось и поприветствовать его как следует, спросить о здоровье, как Михаил Антонович сказал:

— Я был убежден, Каныш, что вы приедете. Я уважаю законы степного гостеприимства. Вам надо отдохнуть с дороги. Поживите пока у меня. Я сейчас попрошу, чтобы вас проводили. Дома вам будут рады, и комната свободная есть. Деловые разговоры отложим до завтра.

Осень двадцать первого года в Томском университете, в Технологическом институте имела свои приметы. Среди, как принято говорить теперь, абитуриентов уменьшилось число выпускников гимназий. Зато появились люди то в бывалой кожанке, то в красноармейском шлеме, то в бескозырке моряка. Отвоевались молодые, и теперь их посылали на учебу. Из далеких угольных копей Кзыл-Кия приехал будущий соратник Сатпаева по академии Александр Бричкин. В свое время он прервал на несколько лет занятия в Московском университете и Горной академии и поколесил по фронтам: воевал с белыми и басмачами; в Кзыл-Кия был помощником комиссара и с помощью революционного трибунала возрождал к жизни заброшенные копи. Сам Михаил Васильевич Фрунзе, побывавший однажды в Кзыл-Кия, позаботился, чтобы молодого комиссара послали продолжить ученье.

Так они приходили — из отрядов ЧОНа, из уездных ревкомов, по командировкам заводов, рудников, губернских областных и уездных советских организаций.

Вот в этом потоке поступал и баянаульский судья Каныш Сатпаев.

Он поселился у Михаила Антоновича, предоставившего ему комнату в просторной своей квартире.

Усовские дни были расписаны по минутам. Еще в Баянауле Каныш удивлялся умению ученого ценить время — делать даже в дороге записи в прихваченную на случай полевую книжку, и читать, ежедневно читать какой-то труд на немецком языке, и вставать всегда на заре, когда бы он ни лег накануне. Но в Томске, дома, эта ритмичная работоспособность, это владение временем были еще поразительнее. Он непринужденно шутил, рассказывал о своих путешествиях по Джунгарии, не чурался физической работы, но наступал срок, и... «вы уже меня извините».

Усов притягивал к себе не только знаниями и преданностью геологии, но и умением передавать другим свою увлеченность. Ученый-геолог, много сделавший для промышленного развития Сибири, он обладал незаурядным педагогическим талантом.

Лекции Михаила Антоновича Каныш начал слушать с третьего курса, и они, как и для всех студентов, были для него настоящим откровением.

Каныш не только своей отличной памятью, но и воображением впитывал каждую мысль лектора. Как его обрадовало однажды упоминание Михаила Антоновича об золотых образованиях в киргизской степи, как еще принято было тогда говорить. Родные края словно приблизились к городу на Томи. А когда профессор уже вышел из аудитории, Сатпаев огорченно воскликнул:

— Почему лекции так быстро оканчиваются? Должно быть, рано звонок подают!

В 1960 году Каныш Имантаевич писал: «Его лекции, продолжавшиеся обычно с небольшими перерывами два или четыре часа, было легко записывать, они очень хорошо воспринимались слушателями. Все

в них было прекрасно: и сама изящность лектора, и чудесный дар красноречия, и способность увлекательно и просто излагать сущность самых сложных научных истин... Ни одного лишнего слова, ни одной потерянной минуты — таков был стиль его лекций. Так же строго и предельно экономно был запланирован и распорядок всей его жизни».

Михаил Антонович своим примером научил Сатпаева ценить время. Днем в свободные от лекций часы Каныш просиживал в минералогическом музее или заходил в знаменитую университетскую библиотеку; вечерами склонялся над тетрадками и книгами в тихой своей комнатке.

Каныш читал так много и увлеченно, что у него по вечерам кружилась голова от усталости. Он штудировал геологическую литературу по плану, составленному для него Михаилом Антоновичем. Тщательно конспектировал лекции — тетрадки Каныша ценились у студентов на вес золота. Развивал математические навыки, упрямо решая задачи по курсу высшей математики. И находил время для художественной литературы. И думал о Баянауле, о степи.

Сатпаев никогда не был нелюдимым. И в институте он приобрел многих друзей. Очень сблизился с Михаилом Русаковым. Михаил Петрович уже был горным инженером, окончил Петроградский институт. Он приехал в Томск работать, но лекции Михаила Антоновича посещал вместе со студентами.

Они часто сидели рядом на лекциях, россиянин с рыжеватыми волосами и черноволосый степняк.

Училась в это время в Томске и Таисия Алексеевна Кошкина, поступившая в институт на два года раньше Сатпаева. Позднее, после окончания института, Таисия Алексеевна стала женой Каныша Имантаевича.

...Один за другим летели студенческие годы. Третий курс, четвертый. И вот на столе уже дипломный проект — «Геологические исследования и разведка на медь в Майнском месторождении Минусинского округа». Сатпаев был несколько огорчен, что ему пришлось работать не на материале родной степи. Но над дипломным проектом одного из любимых своих учеников шефствовал непосредственно Михаил Антонович, лучший знаток геологии Сибири. Он отлично знал Минусинский округ, Абакан. Еще в 1918 году завершил он работу о геологическом строении Абаканского железорудного месторождения. Усов передавал Сатпаеву свою классическую методику комплексных исследований, свое умение разбираться в конкретной геологической обстановке. Каныш относился к своему проекту очень серьезно. Он представлял, как применит эту методику в родной степи и степь откроет ему свои богатства.

Защита прошла отлично.

Наступил день прощания с Томским институтом.

Пройдет почти четверть века, и в Алма-Ату из Томска поступит телеграмма:

«Гордимся вами, воспитанником нашего института, верным сыном большевистской партии, государственным деятелем, избранником народа...»

А пока Канышу Сатпаеву исполнилось двадцать семь лет.

Он еще сохранял прежнюю худощавость, но по-смуглел, окреп. Ему была очень к лицу форменная фуражка с перекрещенными молотками. «Умом и молотком» — вот международный девиз геологов. Правда, Канышу в этом девизе не хватало слов о любви к родной земле.

Кзыл-Орда, ставшая столицей Казахстана, удивила Каныша Имантаевича несоответствием ритма ее жизни и обликом захолустного среднеазиатского городка. Глинобитные дувалы — заборы, саманные домики, обращенные на улицу глухими безоконными стенами; редкие кирпичные особняки, спрятанные в садах с хаузами — водоемами; тополя и карагач не спасали от пыли, близость полноводной Сырдарьи не чувствовалась в раскаленном воздухе. Но дремотный на окраинах город был деловито оживлен в центре. Бросалось в глаза обилие табличек с названиями республиканских учреждений. В былых купеческих особняках размещались народные комиссариаты. Вдоль лениво журчащих арыков торопились люди с портфелями.

Побывав в Совете народного хозяйства, в Госплане, встретив немало знакомых, Каныш составил себе представление о новой жизни республики. И затевались и уже осуществлялись большие дела.

Шел передел пахотных и сенокосных угодий. Землю получали безземельные, а баи ее теряли. Их озабоченность, их страх перед будущим Сатпаев приметил даже на базаре. Утратив былую степенность и уверенность, аксакалы и карасакалы, седобородые и чернобородые, в бархатных тюбетейках и темных, уже начинающих выцветать халатах, собирались кучками у продавцов кумыса и дымящихся на пару мант. Что-то обреченное и злое было в их суетливых жестах, в их торопливых взаимных жалобах на судьбу.

Зато бедняки из союза «Косчи» приезжали со всех концов степи веселые, шли в любую республикан-

скую контору, как в родной дом, убежденные, что им во всем помогут.

Сатпаева особенно интересовали перемены в промышленности.

В кабинетах крайкома партии и Госплана разрабатывался первый перспективный пятилетний план. Цветная металлургия занимала в нем главное место. В конце 1925 года Феликс Эдмундович Дзержинский доложил на Московской губернской партийной конференции, что рудники Риддера восстановлены. Совет Труда и Оборона (СТО) принял решение о восстановлении Карсакпайского медеплавильного комбината, брошенного англичанами недостроенным. Хариузская электростанция, одна из первых сооруженных в Казахстане по плану ГОЭЛРО, дала промышленный ток. Упорно говорили, что вот-вот будет решен вопрос о строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги.

В Кзыл-Орду переехали жить многие казахские писатели. В городе открылся первый казахский музыкально-драматический театр. Актеров для него искали по всей степи — отбирали аульных певцов, домбристов, веселых рассказчиков-пересмешников, подвизавшихся на ярмарках и праздничных тоях. Зрители приезжали на лошадях и верблюдах из близких и дальних кочевий, с берегов Сырдарьи и Аральского моря. Каныш любил искусство, любил театр. Несколько раз подряд он побывал на представлениях первого профессионального коллектива и откликнулся на рождение театра статьей в газете «Энбекши-казах».

— Каныш, мой милый! — встретил его однажды семипалатинский знакомый, талантливый поэт, акын и артист Иса Байзаков. — Как я рад, что ты приехал в Кзыл-Орду. Значит, инженер! Смотри, наркомом

будешь. С квартирой уже устроился? А то я помогу.

— Нет, Иса, я в Карсакпай уезжаю.

— В Карсакпай? Так это же захолустный аул. Такой образованный джигит и вдруг не хочет жить в столице.

— Да ты что так сердито на меня смотришь? Ты лучше послушай: мне придется жить некоторое время не только в Карсакпае, но и в Москве. Я ведь уже получил назначение в Атбасарский трест цветных металлов. А он находится не в Атбасаре или Карсакпае, а в столице.

— Так бы и сказал. Кем там будешь, в Москве? — В голосе Исы звучало любопытство.

— Кандидатом в члены правления буду и геологом.

— Кан-ди-да-том,— протянул Иса.— А почему так?

— Молод, значит, еще... Я геолог и буду в степи. С первых дней весны до глубокой осени. Прежде всего в Карсакпае, в Байконуре. Угольные копи знаешь? На Джезказганский рудник поеду, в Караганду, в Спасск. Словом, кочевать мне и кочевать.

— А пока откочуем в кумысную, Каныш. Я такую кумысную знаю...

...Осенью, поработав некоторое время в Москве, Каныш Имантаевич приехал в Карсакпай.

Вместе с ним на рудники прибыли руководители треста «Атбасцветмет». Степной простор, распахнувшийся перед ним, был суровее отчих степей Сары-Арка, но все равно он был в родном краю и радовался одинокому домику пикетчика, где они пили желтоватое верблюжье молоко — кумран. Его спутники, Дыбец и Бронзос, чувствовали себя куда хуже. Особенно грузный, уже немолодой Дыбец. Даже в Карсакпае, обетованном оазисе, Дыбец никак не мог

прийти в себя после изнурительного пути и очень обрадовался, когда утром за завтраком их угостили извлеченной из тайников дирекции, хранимой для торжественных случаев кавказской минеральной водой. Он отдувался и пил, почти не прикасаясь к еде, несмотря на все увещевания Ивана Васильевича Деева, директора восстанавливаемого завода.

Вышли на улицу, осмотрелись вокруг. Деревьев было совсем немного, и листва их посерела от пыли. Поселок прятался в котловине, разделенной речушкой и запрудой на две части: заречную и старый городок. Домики взбегали на пологие холмы, чуть подалее домиков белело с десяток юрт.

Дыбец сердито спросил:

— Что, у вас рабочие и в юртах живут?

— Семьи две или три, не больше,— спокойно отвечал Деев,— а в основном в юртах коммерсанты проживают. Да-да, коммерсанты. Смышленные аульные коммерсанты, проще сказать, спекулянты. Торгуют вареным мясом, маслом, молоком, лепешки пекут на продажу.

Иван Васильевич замолчал.

— Значит, с продовольствием неважно? — продолжал хмуриться Дыбец.

— Не в городе живем и не в ауле. Хлеб из Атбасара привозят, мясо на месте покупаем. Магазины есть, но, бывает, и соли не хватает. Мануфактура из Москвы идет. Свои — ничего, не ропщут, а вот приезжие — техники и слесари-монтажники из Донбасса — никак не привыкнут. Говорят, богом обиженное место. И за какие только грехи мы сюда попали! Но работают — нельзя пожаловаться. По-пролетарски! Подбадриваю их, понятно.

— Вы-то, Иван Васильевич, давно в этих краях?

— С четырнадцатого года. По этапу жандармы

доставили. А после Октября председателем Карсакпайского района избрали.

Когда познакомились с ходом строительства, Деев напомнил, с каким трудом удалось сохранить оборудование, оставшееся от англичан. Сторожили добровольно и безвозмездно. Когда завод был законсервирован, средств, понятно, неоткуда было взять. А вот теперь его не столько восстанавливают, сколько строят заново.

Уже в общежитии для приезжих Дыбец заговорил о том, что Сатпаев на некоторое время останется здесь — он должен взять под свой контроль и строительство, и снабжение, и другие вопросы рабочего быта.

— Вы будете в Карсакпае во время этой командировки полпредом треста. Вы сумеете установить контакт с местным населением. А для знакомства с геологией время найдется. — Дыбец говорил об этом, как о деле уже решенном, но неожиданно натолкнулся на сопротивление.

— Я прежде всего геолог. В Москве мне очень ясно сказали, чем я должен заниматься. И поверьте: надо именно сейчас заботиться о рудной базе Карсакпая. Да и не только Карсакпая. Я понимаю, мы пришли не на голое место. Но уточнить запасы — наш долг.

Я еще мало знаком с материалами, однако какое у нас с вами основание слепо доверять английским данным... Я обязан за эти два месяца объездить район, познакомиться с работой геологоразведки, изучить архивы. В меру сил я буду выполнять и ваши указания, но уже в свободное время.

Каныш Имантаевич говорил ровно, с присущим ему спокойствием, выделяя главное интонацией и едва приметными движениями руки. Дыбец про себя

подумал, что молодой инженер прав. Старый революционер умел понимать людей.

— Ну, давай, давай,— забасил он.— Земля казахская, тебе и карты в руки.

— Геологические,— с той же мягкостью добавил Сатпаев.

И оба рассмеялись.

Геолог Иван Степанович Ягодкин, отдавший несколько лет изучению района, не без ревности присматривался к молодому инженеру.

Каныш Имантаевич тщательно изучил не только работу Ягодкина, своего старшего по возрасту товарища из Геолкома — организации, руководившей тогда всей геологоразведкой в стране, но проштудировал и описание геологического строения Джезказгана и две карты разных масштабов английского геолога Сиднея Болла.

И уже в ту первую осень двадцать шестого года Сатпаев критически отнесся к данным Болла.

Болл рассматривал богатства Джезказгана с точки зрения колонизатора, под углом немедленной коммерческой выгоды. Брать руду только богатую! Вкрапленники с четырехпроцентным содержанием меди Болл отбрасывал, как пустую породу, не рассчитывая на долголетнюю эксплуатацию подземных богатств. «Хищнический метод», — сразу определил Сатпаев. Брать руду не глубоко, примерно со ста пятидесяти метров, — вот что советовал Болл. Иными словами, снимать сливки — и только! Конечно, Ягодкин был далек от позиции колонизаторов, но слишком полагался на хваленую английскую основательность, а в своих прогнозах был осторожен не в меру.

Когда Сатпаев впервые появился в Карсакпае, в Джезказгане, в горах Улутау, аульные старики и аульная молодежь сразу отнеслись к нему с уваже-

нием. Добрый и незаносчивый, он располагал к себе и знанием обычаев, и живым интересом к аульной жизни, и вовремя оброненной шуткой, и умением внимательно слушать медленные рассказы и песни под домбру.

То один, то другой аксакал, знавший степь и сопки лучше, чем морщины на своем лице, вмещавший в свою память и память предков, охотно рассказывал ему о находках в степи, о каменных зеленых цветках и о настоящих голубых цветках, которые чаще всего растут там, где есть синие камни. В этом, как узнал Сатпаев позднее, была своя закономерность. Каныш отдавал должное острой наблюдательности степняков, но знал, что они не прочь иногда и преувеличить.

Зимой в Москве, с трудом выкраивая свободные от работы в тресте часы, он изучал литературу по Казахстану. И геологическую, и историческую. История помогала геологии. Как помогали ему ориентироваться в степи памятники древних времен. Он накапливал факты. Постепенно в представлении молодого ученого возникала картина прошлого срединных казахских степей. Нет, их никак нельзя было назвать «белыми пятнами», как любили в свое время говорить литераторы и географы.

Степь Центрального Казахстана с ее мелкосопочником, где редко вонзаются в небо скалистые вершины или небольшие зубчатые кряжи, была древней обителью человека. Еще задолго до нашей эры охотники, скотоводы и воины научились добывать руду каменными топорами и отбойниками, извлекать из нее медь для изготовления предметов обихода и оружия.

В самом сердце Казахстана следы горных выработок обнаруживались так часто, что Сатпаев позднее

сказал: «Древняя культура имела прекрасную разведочную службу».

Страна массагетов изобиловала медью и золотом, прочел Каныш Имантаевич у Геродота, и все предметы вооружения у массагетов изготавливались из меди.

Может быть, массагеты и были первооткрывателями меди, первостроителями индустриальных предприятий на земле нынешнего Центрального Казахстана?

Шли годы, десятилетия, века. В степи прокладывали пути торговые караваны, кочевья оставляли в степи примятые травы троп. Слово «орыс» — «русский» становилось привычным в степи. И чем сильнее угрожали и беспокоили степь джунгары и иные завоеватели с востока, тем чаще смотрела степь на запад, в сторону своего великого соседа. В первой половине XVIII века два казахских джуза из трех существовавших присоединились к России.

И скоро долины рек Тургая и Сарысу, вершины улутауских гор увидели русских в походе.

На рассвете 12 апреля 1771 года казачьи войска с приданными к ним драгунскими частями под предводительством генерал-майора фон Траубенберга вышли из Орской крепости на восток.

Среди офицеров отряда фон Траубенберга были два брата Рычковы — подполковник Андрей Петрович и капитан Николай Петрович, сыновья замечательного ученого, самоучки из семьи разорившегося вологодского купца, участника первой Оренбургской экспедиции, члена-корреспондента Российской Академии наук Петра Ивановича Рычкова. «Трудолюбивый Рычков» — так назвал его Пушкин. П. И. Рычков обладал редкой многогранностью знаний — экономист, историк, исследователь южноуральских мед-

ных руд, первооткрыватель каменного угля в своем крае, знатный пчеловод, автор обстоятельного описания Оренбургской губернии, лингвист и страстный любитель природы. Свои лучшие качества Петр Иванович передал по наследству не столько Андрею, ревностному и храброму армейскому служаке, сколько вдумчивому, склонному к наукам и даже изящной словесности младшему, Николаю.

В течение всего долгого и трудного похода Николай Рычков вел подробный дневник.

12 мая в его сафьяновой тетради появилась запись, что увидел он «великое множество медных руд, копаных древними обитателями той страны; такожды признаки золота и серебряной руды».

В его книге «Дневные записки путешествия Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 году», отпечатанной в Санкт-Петербурге уже в следующем, 1772 году, в типографии Академии наук, краткие эти строки занимали далеко не последнее место, волнуя многие поколения и бескорыстных рудознатцев и жадных до прибылей российских и иных промышленников.

Каныш Имантаевич познакомился с книгой Николая Рычкова в Москве. С уважением вчитывался в округлый, слегка витиеватый шрифт, дивясь двойным переносам в конце каждой страницы и в начале, чувствуя необычную плотность тонкой, с восковым отливом бумаги.

Он испытал благодарность к пытливому капитану, жившему за полтора с лишним столетия до него. Как он хорошо сказал о казахском народе, «сильном и многолюдном», наделенном «большим естественным разумом». Как много успел он увидеть в пути на бивачных стоянках трудного военного похода! Каким талантливым геологом мог бы он стать!

Но и другое чувство возникало и крепло у Сатпаева. Как же отстал его народ, если веками почти не прикасался к богатствам не столь уж потаенных недр своей родной земли.

И чувство это становилось особенно глубоким и горьким, когда он погружался в историю прошлого века и в совсем недавние годы, предшествовавшие революции.

В 1847 году екатеринбургский купец 2-й гильдии Никон Ушаков подал четыре заявки на медные промыслы в районе улутауских гор и приобрел драгоценный участок за сущую безделицу — четыреста рублей.

Вскоре очень немного окисленной медной руды из рудников Ушакова поступило на Урал для переплавки, а оттуда первая джезказганская медь попала в Санкт-петербургский монетный двор.

Не только в горных архивах, но и в живой аульной памяти сохранились имена Никона Ушакова, Аникея Рязанова, Тита Зотова, оборотистых и по-ястребиному зорких купчиков, торивших пути в самое сердце казахской степи.

Но какими бы охочими до легкой наживы ни были отечественные Тит Титычи, ничего значительного им не удалось сделать в Джезказгане. Предприимчивее оказались английские и иные иноземные купцы. У них и мошна была побогаче, они обладали и более длительным колонизаторским опытом, их горно-техническая служба оказалась маневренней и современной российской. В начале века разворачивает свою деятельность «Акционерное общество Атбасарских медных копей». Председатель правления — Артур Фелл, директор — Александр Дэвидсон, технический руководитель — инженер Алджернон Нобель.

В 1906 году в район Джезказгана прибыл из Лондона инженер-геолог Уэст, в 1908 году — Гарвей. В белых пробковых шлемах с накомарниками, сухие, подтянутые, они очень напоминали офицеров Соединенного королевства в Индии.

«Сенсация инженера Гарвея» — так называлась статья в одной из лондонских газет, опубликованная глубокой осенью 1908 года. Гарвей выступал с докладом на общем собрании атбасарских акционеров.

Обстоятельной геологической разведки Гарвей, естественно, произвести не мог. Но интуиция у него была отличная.

В конце 1912 года собрание акционеров санкционировало постройку медеплавильного завода и обогатительной фабрики на базе джезказганского месторождения. Через полгода английские инженеры с на вербованными русскими рабочими прибыли в Карсакпай.

Обнаруженный английскими геологоразведчиками запас джезказганских медных руд и байконурских углей обеспечивал на двенадцать лет деятельность завода. Нести расходы по дальнейшей разведке акционеры считали излишним.

Строительство Карсакпайского завода военным летом 1915 года шло полным ходом. Устанавливали фермы и перекрытия обогатительной фабрики, прокладывали железнодорожные пути к Джезказгану и Байконурским угольным копям, строили дома для инженеров, техников и служащих, казармы для рабочих.

Но наступил 1917 год. Англичане покинули степь с уверенностью, что вернутся сюда. Ревком поставил красногвардейскую охрану у недостроенных цехов. Ревкомовцы были убеждены в обратном: англичане

никогда не возвратятся в Карсакпай, народ сам до-строит завод и рудники.

В первые после Октября годы, годы гражданской войны и разрухи, о возобновлении работ можно было только мечтать. И мечтали, и верили, и стремились сохранить все, что может пригодиться в ближайшем будущем.

Новое строительство Карсакпая и восстановление связанных с ним горнорудных предприятий началось в 1925 году, за год до первого приезда сюда Сатпаева.

Знакомясь с историей, с геологическими архивами, ведя обстоятельную, научно обоснованную геологическую разведку этого края, Каныш Имантаевич много думал о будущем Джезказгана. И оно, это будущее, все чаще и чаще соединялось в его представлении с очень простым, так хорошо понятным каждому человеку словом «счастье». Несколько лет спустя это слово неожиданно прозвучало в сугубо геологической статье Сатпаева:

«...Те первые фактические данные, которые имеются на сегодня, позволяют считать Джезказганский район тем немногим счастливым районом земного шара, в котором природа... собрала в одном месте... разнообразнейшие богатства недр».

Какими бы увлекательными ни были для Сатпаева московские зимние месяцы с библиотеками и театрами, с интересными встречами, к городской суете он так и не привык, а служба в тресте с бесконечными отчетами и перепиской томила его. Все настойчивее он думал о переезде в Казахстан, в Карсакпай, в степь на постоянную работу.

Наступил 1929 год, вошедший в историю страны как год великого перелома. Он стал переломным и в жизни Сатпаева. Уже в январе он знал, что трест «Атбасцветмет», по существу, ликвидируется и его направляют на постоянную работу в качестве начальника геологоразведочного отдела Карсакпайского комбината.

Ранней весной Каныш Имантаевич вместе с Таисией Алексеевной начал готовиться к отъезду. В степь. На долгие годы. Вещи не особенно обременяли их. Вот только книг собралось довольно много.

Таисия Алексеевна не очень-то хотела расставаться с Москвой, но за мужем она поехала бы и на Северный полюс. Глядячи на него, такого оживленного, энергичного, веселого, она и сама проникалась его верой в будущее.

Светлые чувства, овладевшие ею, слегка омрачились в тот апрельский день, когда они вышли из вагона на перрон станции Джусалы. Да, солнце светило не по-московски щедро, но каким неистовым здесь был ветер. Он подхватывал клубы пыли, хлестал по глазам. Даже на молодую траву — степь начиналась сразу за станцией — прочно лег блеклый налет пустыни.

А Каныш Имантаевич сразу почувствовал себя дома. Он беседовал с встречавшими его людьми так, как будто не расставался с ними. Приметив растерянный взгляд жены, подошел к ней:

— Ты по Джусалы о степи не суди. Нам до настоящих степей еще ехать и ехать.

...После долгой дороги, после пыльного ветра и одиноких мазанок-пикетов с непременно колодцем

и сараем для верблюдов заводской поселок в вечерних огнях показался Таисии Алексеевне приветливым и уютным.

Сатпаевых ожидала отдельная двухкомнатная квартира рядом с геологоразведочным отделом комбината. Это приятно удивило Таисию Алексеевну, — муж предупреждал, что в Карсакпае туго с жильем.

Каныш Имантаевич с первого дня погрузился в заботы. Объяехал буровиков на стареньком грузовике с изношенным мотором, огорчился, что работали всего-навсего два станка. Без достаточного количества буровых станков, а значит, без буровых мастеров, геологоразведка останется пустым звуком. Донбассовец-буровик Якименко прямо сказал:

— На меня не рассчитывайте, одну зиму переживал — вторую не буду.

Сатпаев еще в Москве разузнал, что в Ленинграде есть курсы буровиков, и отсюда, из Карсакпая, списался с ними.

— Хочешь ехать в Ленинград на курсы? Вернешься — мастером будешь, — спрашивал Каныш Имантаевич молодого смышленного казаха Азата из тургайского аула.

И тот с надеждой отвечал:

— Да! — и в тот же день сообщал своим ровесникам-курдасам, что Каныш посылает его в большой город учиться и он будет управлять станком лучше, чем джигит аргамаком.

Аульные джигиты проникались завистью к своему сверстнику, и уже через несколько часов кто-нибудь из них приходил в геологический отдел с просьбой и его послать учиться.

— Друг мой милый, айналайн, — говорил ему Сатпаев, — ты ведь ни одного русского слова не знаешь. Твой курдас немного учился, а ты, видать, только

расписываться можешь. Но не печалься, я тебя прикреплю к хорошему мастеру, учишься у него и бурению, и русскому языку.

И, видя, что юноша несколько огорчен таким оборотом дела, добавлял:

— Ленинград от тебя никуда не уйдет. Еще успеешь и там побывать.

Джигит теперь смотрел уж не так обескураженно. Он приедет в аул, расскажет, что Каныш Сатпаев уважительно разговаривал с ним, как с равным, и найдутся сверстники, которые в свою очередь позавидуют и ему.

Сатпаев внимательно присматривался к молодежи. Так он заметил в бригаде очень смышленного паренька Егизбека Бейсалбаева. А тут подвернулась возможность как следует подучить его.

— Слушай, Егизбек, алмазные коронки для бурового снаряда будешь чеканить?

— Алмазные? — Егизбек с удивлением посмотрел на Каныша Имантаевича. — Это же драгоценные камни.

— Инженер говорит в шутку, — вмешался в разговор донбасский мастер. — Правда, за границей, я слышал сам, используют алмазы, но у нас до этого еще не дошли.

— Шуткой здесь не пахнет, пошлем тебя, джигит, к американцу на выучку. А потом ты наших ребят научишь. — Каныш Имантаевич лукаво посмотрел и на мастера, и на Егизбека.

Лицо мастера стало непроницаемым. Егизбек же сощурился, напряженно соображая, нет ли здесь какого-нибудь подвоха:

— В Америку? За океан? — И, увидев серьезные глаза Сатпаева, закончил: — Ой, далеко, Каныш-ага. Но, если нужно, я поеду.

— Поедешь, Егизбек. Только пока не в Америку, а в горы Каратау. За двое суток доберешься до свинцового рудника. Дадим тебе удостоверение, денег. В Ачисае сейчас американский мастер обучает буровиков. Понял?

Американец оказался толковым учителем, Егизбек — отличным учеником. Мастера бурения Егизбека Бейсалбаева спустя несколько лет знала вся джезказганская степь.

В семье Сатпаевых хорошо помнят и такой эпизод.

Таисия Алексеевна однажды возвращалась из лаборатории домой. Были ранние сумерки карсакпайской осени.

У крыльца она застала худощавого мальчугана лет тринадцати. В сумеречный час он казался особенно бледным.

— Аже, можно я подмету у вашего дома?..

— Ты иди-ка сперва к нам поешь,— ответила Таисия Алексеевна,— а потом, если уж тебе так хочется, подметешь.

Мальчуган поел, заулыбался — и сразу за метлу.

— Может, какая-нибудь работа у вас найдется?

В это время пришел домой и Каныш Имантаевич. Он побеседовал с парнишкой из далекого аула и чуть ли не на следующий день определил его в фабзавуч. А через два года подросток получил командировку в Алма-Ату на рабфак. После рабфака он поступил в Горно-металлургический институт.

Теперь его дети, дети горного инженера Абдрахмана Тохтабаева, учатся в институтах Алма-Аты и не так уж редко заходят в гости к Таисии Алексеевне.

Сколько их, часто наивных и еще неграмотных, становилось буровиками, коллекторами, лаборантами, техниками, потом и инженерами. А в цехах

завода и на рудниках вырастали и свои металлурги, и свои горняки. Словом, формировались казахский рабочий класс и техническая интеллигенция.

Воспитание кадров буровиков было тогда едва ли не главной заботой Сатпаева потому, что без них нельзя было форсировать геологоразведочные работы, невозможно было обеспечить рудой и углем уже действующий Карсакпайский завод. Особенно в следующей пятилетке.

Когда Сатпаев сказал Ягодкину, еще бывавшему здесь наездами, что на будущий год надо ввести в действие пятнадцать бурильных станков, тот даже плечами пожал:

— Далеко замахиваетесь, Каныш Имантаевич. Понимаю ваше желание. Но это, согласитесь, сейчас многовато для нужд Карсакпайского завода. Что касается ваших предположений о рудных запасах, то это ведь пока только предположения.

— Да, но я уже неоднократно убеждался, что англичанам выгодно было преуменьшать наши запасы.

— А вы хотите преувеличить,— парировал Ягодкин.— Мы же тоже критически отнеслись к английским данным. Я не хочу покушаться на ваш геологический оптимизм, но в своих прогнозах нужно быть сдержанным. Мечтать все мы умеем, а денежки счет любят.

Деньги, понятно, любили и любят счет. Но спор-то был не о деньгах. Каныш Имантаевич умел экономить государственные средства. Спор был о будущем Центрального Казахстана. Сатпаев еще в 1927 году высказал на основе своей уверенности в потенциальных запасах Джезказгана ту точку зрения, что Карсакпайский комбинат является лишь началом дальнейшей индустриализации района. Но Каныш

Имантаевич был молодым, мало кому известным геологом, как, в сущности, мало известным в стране был и сам Джебказган. Страна очень нуждалась в медной руде, но были и другие меднорудные месторождения, более изученные, с утвержденными запасами и к тому же расположенные ближе к железным дорогам. Их развитию отдавалось предпочтение.

Словом, пятнадцати станков Сатпаев добился только через два года, а тогда, после разговора с Ягодкиным, к двум действующим ему удалось добавить лишь один. Кроме того, он перевел станки на глубокое бурение, чтобы добраться до тех далеко залегающих от поверхности пластов, исследовать которые и не помышляли англичане. И уже первая глубокая скважина подтвердила его прогнозы! Надо вести разведку интенсивнее. Следовало, никак не откладывая дело, создать условия для буровых работ и зимой. Но как?

Чтобы не останавливать зимой буровые станки, требовалось соорудить тепляки. А где взять для них лес? Да и перевозить деревянные укрытия с места на место — одно мученье. А что, если сделать юртообразное укрытие? Войлок и теплее досок и легче. У казахов-рабочих есть и аульный навык — быстро собирать и разбирать юрту. Предложение Сатпаева встретило поддержку со стороны буровиков и дирекции комбината. Войлочные тепляки в степи сослужили свою службу пятилетке.

Практическая сметка Каныша Имантаевича помогла ему завоевать полное доверие парткома, инженеров, рабочих. К сторонникам Сатпаева принадлежал и директор Карсакпайского комбината Ковалев, положивший много сил, чтобы и в Москве, в Цветмете, внимательно отнеслись к оптимистическим

прогнозам Сатпаева, к его настояниям расширить фронт геологических работ.

Приехали весной из Ленинграда, с курсов, первые буровые мастера-казахи.

В ту пору Каныш Имантаевич получил едва ли не первую свою награду, о которой помнил всю жизнь,— скромную красную книжечку, удостоверение «Ударника первой пятилетки».

...Каныш Имантаевич часто ездил в степь, где у него было много друзей.

Непременно брал с собой в дорогу почти ведерный чайник, кайло, молоток. И, конечно, у Каныша Имантаевича в полевой сумке всегда были компас, карта, набор карандашей, записные книжки.

Однажды подъехали к двум одиноким юртам. Каныш Имантаевич сразу узнал кочевье Мамана, одного из своих многочисленных и уже довольно давних приятелей.

Высокий старик в малиновой тубетейке бросил жердь — он делал загонку для телят,— заспешил навстречу Сатпаеву, а Сатпаев — к нему.

Обнялись. Постояли молча. Старик отечески глядел на геолога:

— Каныш, айналайн! А уж мы ждали, ждали... Уже барашек варится, Каныш. Отдохни, милый мой, пожалуйста.

— Откуда же вы знали, что я приеду, ага?

— Табунщик Сафуан, как только услышал вашу машину, как только узнал ее издали, галопом сюда. Машина идет быстро, а степные кони быстрее: им дороги не нужно.

В юрте Мамана из-под старого войлока проглядывали, как цветы в степи, желтые и красные прутья пойменного кустарника — чия. На не успевшую сле-

жаться траву были брошены кошмы и разостлана скатерть — дастархан.

Сатпаев сделал знак шоферу Петру. И пока Маман уговаривал Каныша Имантаевича остаться после обеда отдохнуть, Петр вернулся с пудовым мешком и поставил его у входа в юрту.

— Ай, Каныш, мука теперь дорогая. Да и не всегда достанешь. Спасибо за то, что подумал о старике. Но и старик думал о Каныше.

Открыл сундук, вытащил несколько камней:

— Посмотри, дорогой!

— А вы говорите, Маман, чтобы я отдыхал. Да разве будешь отдыхать после таких находок?

И уже про себя:

— Гм... гм... Да ведь это самородная медь! Где, рассказывайте, Маман-ага, нашли?

— Там, где Санька копался, только выше, у подножья Верблюжьей сопки.

Санькой в степи называли еще до революции предприимчивого купецкого приказчика Белова. Сатпаев знал его маршруты, но на всякий случай спросил:

— У родника?

— Да, у родника. В сторону зимовки.

Сатпаев достал карту, еще раз переспросил про им одним ведомые приметы, записал.

— А это?

— Нет, ага, этот с виду блестит, но пользы от него никакой.

Старик посмотрел на камень, швырнул в угол:

— И камни обманывают, не только люди!

Каныш Имантаевич внимательно перебирал сокровища Мамана, иные откладывал в сторонку, об иных подробно расспрашивал — где нашел, в каком месте?

Подбросил на ладони камень приятных зеленоватых тонов.

— Где, говорите, нашли, аксакал?

Старик опять подробно рассказал. И, сверив его слова с картой, Сатпаев сделал запись: «Маман, гипс».

Так было открыто месторождение пластовых гипсов. Пробуренная скважина дала отличные результаты. Месторождению дали имя Мамана.

Не один Маман в степи был добровольным помощником Каныша Имантаевича. Во многих юртах его ожидали находки, а бывало, и в контору, в Карсакпай, как позднее в Джезказган, куда переселился отдел геологии, приезжали с образцами жители далеких аулов.

Пути геологов часто пересекаются. Летом 1931 года Каныш Имантаевич вновь повстречался в Джезказгане со своим старшим товарищем и другом Михаилом Петровичем Русаковым.

Вспомнили Томск, Технологический институт, встречу в урочище Бес-Шоку, совместную работу в геологической партии. Вспомнили Карсакпай и Джезказган 1927 года.

По логике больше всего должен был бы рассказывать Русаков, а удивляться Сатпаев. Дело в том, что Михаил Петрович перед своим приездом в Джезказган побывал в научной командировке в Соединенных Штатах Америки и осмотрел там ни мало ни много — сорок три рудных месторождения, познакомился с геологоразведкой.

Но случилось наоборот: рассказывал преимущественно Сатпаев, а удивлялся Русаков.

К тому времени площади джезказганского рудного поля измерялись не единицами и даже не десятками, а сотнями квадратных километров. Эффектив-

ность глубокого разведочного бурения за три года превзошла все ожидания. Содержание меди во многих тысячах проб определялось в хорошо оборудованной лаборатории экспрессным методом. Помимо химического и спектрального анализа применялись новаторская для того времени электроразведка и сейсмометрия.

— Ты понимаешь, дружище, — восхищался Русаков, — у тебя геологическая служба поставлена не хуже, чем в Америке. Я за океан учиться ездил, а учиться можно и у тебя!

— Мы вместе учились у Михаила Антоновича, — отвечал Сатпаев.

— Наш Усов — великий геолог, что и говорить. Но ты не скромничай, Каныш. Я четыре с лишним года не был здесь. Как все переменялось. Ты создал целый геологоразведочный комбинат. Я уж не говорю о первоклассной лаборатории. Мастерские, гараж. Ведь тут надобно организатором быть. А ты и теорию не забросил. И разработал свою гидротермальную гипотезу.

— Так без нее я не смог бы определить масштабов Джезказгана.

Несколько позднее Михаил Петрович в качестве главного эксперта по определению запасов меди писал: «Весь подсчет, составленный под руководством лучшего знатока Джезказгана К. И. Сатпаева, отличается исключительной систематичностью и высоким качеством обработки материалов. Совершенно исключены в подсчете примеры, когда бы принцип достоверности был принесен в жертву так называемому целевому назначению запасов, что нередко наблюдается при подсчете запасов в некоторых комбинатах».

К началу 1933 года джезказганский геологоразведочный коллектив насчитывал 80 инженерно-технических работников и 400 рабочих. Примерно за четыре года было пробурено 559 скважин и пройдена почти тысяча геологоразведочных выработок легкого типа. Геологическая съемка крупного масштаба была проведена на 120 квадратных километрах, электро-разведка — на 340 квадратных километрах.

Значение этих поисковых работ становилось тем весомее, что наша цветная металлургия в то время отставала, не выполняла плана, в том числе и медная промышленность.

Большой Джезказган приобретал реальные очертания не только в представлении Сатпаева и его товарищей. Он становился популярным в Казахстане, ему начинали отдавать должное в самых высоких плановых инстанциях, как меднорудной базе, как району, где есть и другие полезные ископаемые.

Казалось бы, все в порядке, работай и радуйся. До полного признания Джезказгана оставалось несколько шагов. Но Сатпаев никак не предполагал, что эти-то шаги и будут самыми трудными. Ведь так хорошо начинался 1933 год.

Беда, как всегда, нагрянула неожиданно.

Главцветмет сократил ассигнования на геологоразведочные работы. И как сократил! Оставил одну десятую процента средств, запрошенных сметой. Выделенных денег не хватало даже для расчета с геологоразведчиками и буровиками.

Если подчиниться обстоятельствам, геологический отдел фактически перестал бы существовать.

Сатпаев принял решение: немедленно сделать все, что можно. Ехать прямо в Москву, минуя Алма-Ату.

Он перегруппировал силы — передал в другие цехи Карсакпайского комбината многих квалифицированных рабочих, на баланс комбината перевел гараж, мастерские. Потом Каныш Имантаевич отправился в степь, к буровикам.

Сатпаев ничего не скрывал от них. Так, мол, и так. Денег пока нет. Поеду в Москву добиваться. Ваше право — уехать, бросить работу. Никто с вас не взыщет. Но я прошу: продержитесь.

— Ой как трудно, Каныш. Семьи у нас, а баранов мало. Мы уже не чабаны. Сколько времени зарплаты не будет?

— Месяц, самое большее — два. Не сумею добиться, тогда ни о чем вас просить не буду.

— Езжай в Москву, Каныш. Надейся на нас. Мы бурить будем.

Заручившись поддержкой райкома партии и руководства комбината, Сатпаев собрался в столицу. Не в его характере было откладывать решения. С виду спокойный и порой даже флегматичный, он был подвижен и стремителен, когда этого требовало дело. Каныш Имантаевич любил повторять пословицу: «Куй железо, пока горячо».

...Каныш Имантаевич ехал, завернувшись в тулуп. На остановке знакомый пикетчик корил его: покашливаешь, а подождать до весны не хочешь. Не мог он ждать, никак не мог! Как-то его встретит Москва, думалось на пикетах, в санях, в вагоне.

И вот — Москва.

В столичных организациях Сатпаев не мог не почувствовать, что его далекий Джезказган выглядел все-таки малоприметным в сравнении с промышленными гигантами Магнитогорска, Сталинграда, Донбасса, Кузнецка. Так или иначе, до Джезказгана очередь еще не дошла. Этим воспользовались и те ра-

ботники Главцветмета, которые в недавнем прошлом считали верными заниженные подсчеты Геолкома. Однако Сатпаев настаивал на своем, доказывал, возмущался, требовал. Его выслушивали, иногда сочувствовали, помогали. В Главцветмете и Главном геологоразведочном управлении ВСНХ СССР удалось добиться удвоения ассигнований, но все равно это была слишком малая сумма.

В известной мере Сатпаева выручила его практическая сметка. Он стучался в двери самых разных трестов и сумел заинтересовать их руководителей если не медью, то другими богатствами Дзезказгана: трест «Золоторазведка» — золотом, угольный институт — углем, трест «Лакокрассырье» — окисленными медными рудами, из которых производилась такая отличная краска, как ярь — медянка. С этими трестами он сумел заключить договоры на подрядное производство разведок и, значит, получить дополнительные средства. Пусть они полностью не компенсировали сокращения ассигнований, но давали возможность дзезказганской разведке выжить, выждать, накопить силы.

Во всяком случае, Каныш Имантаевич вернулся в Дзезказган, уверенный в том, что можно и нужно продолжать работу. Правда, приходилось маневрировать: за счет, скажем, «Лакокрассырья» бурить скважины на медную руду. Красители красителями, а медь для Дзезказгана главное.

Но и выполнение этих побочных обязательств в общем не шло вразрез с далеко идущими планами дзезказганских геологов. «Золоторазведка» вновь раскошелилась. И трест «Лакокрассырье» добавил немного ассигнований.

В это сложное, полное хозяйственных забот время Сатпаев не только не свернул свои научно-теоретиче-

ские исследования, но форсировал их. Он задумал шире привлечь в число своих союзников ученых и одновременно популяризировать идею Большого Джезказгана в партийной печати.

Первая монографическая работа Сатпаева «Джезказганский меднорудный район и его минеральные ресурсы» была опубликована еще в 1932 году. В главе «Генезис джезказганских месторождений» Сатпаев изложил основные положения своей гипотезы о гидротермальном происхождении руд Джезказгана.

Гипотеза эта служила и сейчас служит геологам надежным ориентиром в практической работе.

Медные и свинцовые минералы Джезказгана отложились из горячих газо-водных растворов значительно позднее того периода, когда образовывались породы джезказганской свиты. Эти рудоносные растворы поднимались из глубинного магматического очага вдоль расколов земной коры, пересекающихся в основании куполовидных структур Джезказгана. Достигнув их верхних ярусов, растворы пропитывали пористые песчаники джезказганской свиты. Серый песчаник более порист и легче подвержен растворению, чем красный. Рудные растворы в первую очередь поглощали известковый цемент серых песчаников и отлагали в их порках свой металлической груз. Получился «слоеный пирог» с рудной начинкой.

Теоретические исследования всегда увлекали его наравне с практической работой геолога. Четкую границу провести здесь было нельзя. Теоретик помогал практику, практик — теоретику. Тому и другому в равной мере помогала печать. Он с большой охотой сотрудничал и в районной газете «За медь», и в республиканских изданиях, и в «Правде».

В своей статье «Пора знать Джезказган», опубликованной в «Казахстанской правде» 24 августа

1933 года и подписанной, по обыкновению, «Инженер К. Сатпаев», он отмечал:

«После ряда осложнений, после угрозы катастрофического свертывания исследовательских работ существование геологоразведки в Карсакпае все-таки удалось отстоять. Сейчас корень вопроса в том, чтобы наиболее целесообразно использовать людей и время,— строить Большой Джезказган, несомненно, придется довольно скоро... тогда уже придется осваивать и остальные богатства недр».

Так Сатпаев передавал другим свою веру в Большой Джезказган.

Читая материалы XVII съезда партии, Каныш Имантаевич убедился в том, что строки Отчетного доклада ЦК ВКП(б) о необходимости «упорядочить дело цветной металлургии» имеют прямое отношение к Джезказгану. Значит, до сих пор оно было не упорядочено.

Делегат съезда председатель Совнаркома республики Ураз Исаев говорил с трибуны зала заседания:

— Запасы Джезказгана установлены с предельной точностью. Мы должны теперь же начать ряд подготовительных работ по освоению этого месторождения, чтобы к началу следующей пятилетки начать строить Джезказганский медеплавильный комбинат.

26 февраля 1934 года в «Казахстанской правде» появилась статья, подписанная «Инженер К. Сатпаев».

«Период второй пятилетки,— утверждал автор,— должен быть использован в отношении Джезказгана именно для полного и всестороннего изучения и решения всех вопросов, обуславливающих наиболее выгодное решение и ход как самого строительства, так и будущего производственного освоения Большого Джезказгана».

Осень 1934 года оказалась особенно плодотворной для джезказганцев. В ноябре в Москве при Академии наук СССР состоялась сессия Ученого совета казахстанской базы Академии, посвященная проблемам Большого Алтая и Большого Джезказгана. В ее работе приняли участие представители пятидесяти семи учреждений страны, виднейшие ученые, инженеры, геологи. Много труда вложил в подготовку сессии академик А. Д. Архангельский. Упорно готовился к сессии и Сатпаев.

Над Алтаем шефствовал Владимир Афанасьевич Обручев. Ему шел семьдесят второй год. Но сколько было в нем энергии, живого, нестареющего ума. Сатпаев смотрел на него с восхищением. Подумать только! Учитель его учителя, Михаила Антоновича Усова. Были тут и Иван Михайлович Губкин и Борис Евгеньевич Веденеев. Академики с мировой славой. С именем одного связано развитие нефтяной промышленности в стране, другой строил Днепровскую гидроэлектростанцию.

А он, Сатпаев, молод и в академических кругах мало кому известен, хотя многие ученые-геологи его уже знали. Молоды и его товарищи, с которыми он приехал в Москву доложить о Джезказгане.

Канышу Имантаевичу предоставили первое слово. Волновался ли он? Еще бы! Но этого не заметили ни седые академики, ни джезказганские коллеги.

Сообща ученые пришли к правильным рекомендациям. Сессия отметила, что Карсакпайский завод, работающий на базе джезказганских руд, «ни в коей мере не разрешает вопроса использования... запасов Джезказгана, и добыча наиболее богатых руд в дальнейшем может даже затруднить правильное использование всех запасов Джезказганского района. Поэтому сессия считает необходимым для лик-

видации общей дефицитности меди в стране и использования ее запасов построить в течение третьей пятилетки в Дзержинске медеплавильный комбинат». Сессия поставила вопрос о незамедлительном строительстве железнодорожной линии Дзержинск — Караганда — Балхаш, чтобы уже в 1938 году открыть по ней хотя бы временное движение. Сессия обратилась в Госплан СССР, Главное геологоразведочное управление, Главцветмет, Наркомат путей сообщения и в другие организации с просьбой рассмотреть результаты ее работы и включить в контрольные цифры плана 1935 года ассигнования на проведение изыскательно-исследовательских и проектных работ по Дзержинску.

Это было первое широкое признание, первая высокая гласная оценка. Праздник. Победа.

Однако полная ли победа? Вот когда авторитетные научные рекомендации поддержат плановики, когда просьбы об ассигнованиях станут директивами, можно безоговорочно сказать, что Дзержинск вышел на широкую дорогу.

Очень многое зависело от позиции Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. Каныш Имантаевич попал на прием к наркому Орджоникидзе.

Мягким и чистым утром, запущенный снежинками, как все прохожие, Сатпаев с предчувствием и добрым и тревожным пересек площадь Ногина. Здесь на границе с Китай-городом находился дом, известный всем москвичам под именем Делового двора.

В вестибюле, стряхивая снежинки, он машинально провел рукой по подбородку. Гладко ли выбрит? Ему довелось на днях услышать рассказ о том, что нарком отправляет в парикмахерскую небритых посетителей. Взглянул на часы — пришел на двадцать

минут раньше. Ожидающих в приемной было немного. Взял свежий номер «Правды». Развернул. Сразу бросилась в глаза статья «Страна цветных металлов». Подпись — Д. Заславский.

«Ученый-геолог Каныш Имантаевич (в очерке было напечатано «Емантаевич») Сатпаев рассказывает с увлечением о Джебказгане. Это не Алтай, это рядом с Алтаем, это имя еще неизвестно широким кругам, но оно скоро получит популярность Караганды. Здесь медные рудники, они находятся в пустыне, где еще недавно кочевали казахи. Теперь там оседлые колхозы, и Сатпаев не единственный молодой научный работник из казахов, принимавший участие в работе очередной сессии казахстанской базы Академии наук, происходившей в Москве».

Он не отличался излишним честолюбием. Но строчки эти вывели его из равновесия и неожиданно осветили государственным смыслом все последние годы жизни в Карсакпае, все его странствия по степи и бессонные ночи за письменным столом, все споры и заботы.

Голос помощника наркома вернул ему доброе и тревожное ощущение предстоящей встречи.

— Прошу вас, товарищ Сатпаев. Григорий Константинович ждет.

Когда он переступил порог кабинета, Серго (а он мысленно называл наркома так, как называли его близкие, как называли его большие и малые командиры промышленности, вся страна) вышел из-за стола и сделал несколько шагов вперед, протянул ему руку.

— Здравствуйте, Григорий Константинович! — сказал Сатпаев.

Серго предложил сесть, сказал несколько одобри-

тельных слов о сессии, которая, по его словам, знаменовала союз науки и производства, и стал задавать вопросы по докладной. Из вопросов явствовало, что и докладную Нарком прочитал очень внимательно и что он знаком не менее обстоятельно с точкой зрения противников Джебказгана.

Серго не только требовал доказательств, цифр, фактов, но как бы испытывал убежденность Сатпаева в его правоте и объективности. Вероятно, поэтому он неожиданно спросил и об Алмалыке. Это рудное месторождение нередко противопоставляли Джебказганскому. Сатпаев не стал развенчивать Алмалык и просто сказал, что он, как геолог, досконально не знает его перспектив.

Такой ответ понравился Орджоникидзе. Наркому перед приемом кратко докладывали о Сатпаеве: образован, знает дело, настойчив, даже горяч. Поэтому про себя Серго несколько удивился, как спокойно держится этот, в сущности, молодой человек. И, желая его подзадорить, сказал вскользь, словно о чем-то второстепенном:

— Говорят, вы с Главцветметом воюете. Но ведь там сидят опытные специалисты.

Тут Каныш Имантаевич впервые заговорил взволнованно:

— До сих пор я не могу понять позиции Главцветмета. Сократили ассигнования так, что дальше уж ехать некуда. На голодном пайке держат. За каждый рубль надо бороться.

— За рубль и надо бороться, даже за копейку,— спокойно сказал Серго.

И хотя Сатпаев, готовясь к беседе, не хотел об этом рассказывать, но неожиданно для себя заговорил и о буровых мастерах, и о том, как изворачиваются джебказганские геологи, используя для развед-

ки на медь подрядные средства «Лакокрассырья» и других организаций.

Серго слушал внимательно, не перебивая. И, только дождавшись паузы, сказал:

— Для меня все ясно, надо, чтобы и другим все ясно стало. Обсудим, решим. Когда надо кому-нибудь прибавить, значит, у кого-то надо отнять. Я верю цифрам и горячему сердцу. Люблю, когда человек ждет результатов своего труда, как молодой отец первенца.

Краткий телефонный сигнал прервал беседу. Серго взял крайнюю трубку. И тихо заговорил на незнакомом Сатпаеву языке, в котором согласные сталкивались друг с другом, а гласные звучали певуче и гортанно, как орлиный клекот.

Серго положил трубку, пригладил жесткую вьющуюся седину на висках. Выпил стакан минеральной воды.

— Не надо сомневаться, товарищ Сатпаев, мы Джебказгану дадим ход. И средства найдем. Проведем через Политбюро. Только наберись терпения. А препятствий не бойся. Мы и с ними справимся. А что ты все-таки скажешь о Балхаше? Сильного мы туда начальника строительства послали. Сталинградский тракторный на своих плечах поднял. Крутой человек, горячий, с размахом. Ты знаком с Ивановым?

— Вот такого бы и нам в Джебказган!

Серго рассмеялся.

— А Орджоникидзе в Джебказган не надо поехать?

Сатпаев плохо помнил, как вышел из кабинета, как очутился на площади, посветлевшей и принарядившейся после снегопада.

В январе 1935 года Серго Орджоникидзе предста-

вил в ЦК ВКП(б) свои соображения «О необходимости форсирования Джезказганского месторождения меди».

В докладной записке сообщалось, что разведки последних трех лет позволяют решить проблему Джезказгана вполне грамотно.

Карсакпайскому заводу в записке отводилась роль опытной производственной лаборатории.

Серго Орджоникидзе обосновал необходимость приступить в 1936 году к развернутому строительству Джезказганского медеплавильного комбината. И сооружение железной дороги в этом свете становилось делом, не терпящим отлагательства.

Вскоре Орджоникидзе на сессии ЦИК СССР сказал: «В ближайшее время нам придется приступить к строительству Большого Джезказганского комбината. Там имеются... запасы медных руд. Они расположены в глубине Центрального Казахстана, вдали от железных дорог. Необходимо быстрее строить к Джезказгану железную дорогу от Караганды».

Летом 1935 года изыскатели уже наносили на карту трассу новой магистрали.

А 25 марта 1936 года нарком тяжелой промышленности подписал приказ о начале строительства Джезказганского медеплавильного комбината.

Джезказганская геологоразведка теперь брала на свои плечи все новые и новые заботы. Медные руды были по-прежнему в центре ее внимания. Но Сатпаев с товарищами стремился к дальнейшему комплексному изучению района, поэтому разведывал месторождения угля в Киякты, железных руд — в Найзатасе, марганцевых руд — в Джезды, известняков — в Актасе.

Где было рабочее место Сатпаева? И в кабине грузовика, и на буровой, и в конторке, и дома, и в за-

езжем дворе, и в номере гостиницы. Пятнадцатичасовой рабочий день, как и прежде, был нормой Каныша Имантаевича. Слов «перегрузка» или «сверхурочная работа» не существовало.

После полевых экспедиций Сатпаев «отдыхал» за теоретическими разработками. После напряженного производственного совещания в конторе садился за статью: «Еще о странной позиции Главцветмета».

Каныш Имантаевич постоянно встречался с секретарями районного комитета партии, по несколько раз в году приходилось ему выезжать и в Алма-Ату. И где бы он ни бывал — в Москве ли, в столице республики, — его всегда тянуло домой. (Сейчас в домике, фото которого на последней обложке книги, мемориальный музей К. И. Сатпаева.)

Росло, поднималось дерево, посаженное им у Карсакпайской конторы, звал парк и сад, выращенные садоводом Григорием Зубом. Звала семья, очаг. Звала степь, товарищи по работе.

Когда люди долго работают вместе и делят друг с другом и хлеб, и печали, и радости, они не сразу замечают и как меняется все вокруг, и как меняются прежде всего они сами. И вдруг в один прекрасный день убеждаются, что они уже давно не те, какими были несколько лет назад.

Как-то Сатпаев вспомнил домик в байконурской партии разведки на уголь. Полусвет фонаря. Себя, склонившегося над чертежом. Рядом — начальник партии Саид Сейфуллин. Юношеская пылкость бесед, полет воображения вступали в контраст с бедностью заброшенного горняцкого жилья, приспособленного для неприхотливых геологов, с глухоманью, с великой вечерней тишиной степи. И невдомек было им, молодым, что будущая космическая слава Байконура, этого степного уголка, который они

первыми начали осваивать, далеко опередит их мечты.

Тихий, застенчивый Саид Нагимович стал крупным геологом, знатоком Джезказгана, делившим с Канышем Имантаевичем тревоги и невзгоды, удачи и радости свершений.

К Саиду Сейфуллину на выучку из Карсакпая в Джезказган послал Сатпаев в 1935 году студента-практиканта Василия Ивановича Штифанова, тогда просто Васю, паренька в красной рубашке, с пышной копной соломенно-светлых волос.

Вася поехал временкой-узкоколейкой с первым же товарным составом.

Станции не было, поселка в обычном представлении тоже. Неподалеку возвышался деревянный, чуть скособоченный копер шахты. За шахтой — врассыпную еще несколько домиков. А вокруг — степь, еще не успевшая выгореть.

К удовольствию Каныша Имантаевича, оказалось, что студент из Алма-Аты не только успешно выполняет задания Сейфуллина, но и с профессиональным интересом собирает геологическую коллекцию. Значит, по-настоящему увлечен своим делом.

И в следующее лето Вася приехал в Джезказган на практику, а еще через год — на последнем курсе — вел не только съемки под палящим солнцем, но в геологической конторе под руководством Каныша Имантаевича работал над «большой простыней», как окрестили подробную карту Джезказганского месторождения.

Подходил к концу 1937 год.

Штифанов не очень удивился, когда узнал, что председателем квалификационной комиссии Горно-металлургического института был назначен не кто иной, как Сатпаев. Василий хорошо защитил диплом,

но оказалось, что распределять на работу будут в Наркомтяжпроме, в Москве.

Заместитель наркома назначения давал быстро, спорить с ним считалось неудобным. Не допускающим возражения тоном он сказал:

— Молодые специалисты сейчас на вес золота. Вот мы и направляем вас в золотую промышленность. С вашими документами я знаком. Поедете в Забайкалье. Главным геологом.

— Нет, в Джебказган,— насупился Штифанов и уперся подбородком в грудь.

Замнаркома удивился. Штифанов был первый выпускник, рискнувший с ним спорить. Но, встретившись взглядом с молодым геологом, вдруг произнес:

— Ну его! С ним разговаривать теперь бесполезно. Его же Сатпаев уже сагитировал.— И обращаясь к секретарю: — Пишите: Штифанов — Джебказган.

На этот раз со станции Джусалы Штифанов летел самолетом. На нем перебрасывали для срочной отгрузки уральским заводам джебказганскую окисленную руду. В обратный рейс самолет брал пассажиров.

Сатпаев встретил Василия Ивановича приветливо, подшучивал, как раньше, но Штифанов не мог не заметить, что Каныш Имантаевич говорил с ним как с равным, без прежнего покровительственного оттенка. И хотя Василий Иванович получил назначение в Джебказганское рудоуправление старшим рудничным геологом, Сатпаев считал его нужным человеком и в конторе геологоразведчиков, давал ему время от времени поручения, далеко выходящие за пределы обязанностей рудничного геолога и связанные с проблемами всей геологии Большого Джебказгана.

Штифанова радовала эта работа, радовало дружеское отношение Каныша Имантаевича. А дело было не только в том, что Сатпаев угадал в Штифанове талантливое геолога, к тому же преданного Джезказгану. Сатпаев предчувствовал и понимал, что рано или поздно ему придется уехать отсюда. Кто его заменит? Об его отъезде тогда не могли и думать Саид Сейфуллин, Василий Штифанов, Егизбек, Маман, все джезказганцы. А Сатпаев думал...

Радиус работ джезказганских геологов расширялся с каждым годом, устремляясь и на север и на восток. Теперь многие разведочные партии уходили от конторы экспедиции на несколько сот километров.

Глубоко преданный Джезказгану, Каныш Имантаевич заботился уже не только о нем. Его замыслы, его деятельность расширялись концентрическими кругами: сперва Джезказган — Улутау, теперь Центральный Казахстан — вся республика.

Сатпаеву и его товарищам уже давно было ясно, что не одной медью богата сердцевина казахской степи. Трудом коллектива геологов все отчетливее прояснялось, что она — полиметаллическая кладовая страны.

Каныша Имантаевича в предвоенные годы настойчиво увлекала мысль о производстве в республике своего чугуна и стали — основы всякой индустрии. Чем отчетливее обозначались на геологической карте Центрального Казахстана запасы железных руд, тем чаще видел не только строящийся медный комбинат, не только копры карагандинских угольных шахт, но и могучие доменные печи, мартеновские цехи и прокатные станы в родной степи.

Итогом его размышлений, исследований и экономических подсчетов явилась докладная записка, датированная 29 июня 1940 года, о необходимости

строительства в Казахстане комбината черной металлургии. Сырьевая база будущего комбината — прежде всего железорудное месторождение Атасу и Караганда с ее коксующимися углями. Всего пятьдесят километров, писал Сатпаев, отделяют Атасу от железной дороги Караганда — Жарык — Джезказган. Все было предусмотрено в записке: и наличие строительных материалов, и водоснабжение. В деловых кратких выкладках обрисовывались контуры Карагандинского металлургического завода. В военные годы в Темиртау был построен первый завод с неполным металлургическим циклом. А в пятидесятые годы партия нашла возможным приступить к строительству и Большого завода, как здесь теперь называют — Карагандинского металлургического.

Сатпаев научился мыслить государственными масштабами. Касалось ли дело сооружения будущего предприятия или деятельности молодого Института геологических наук, голос Каныша Имантаевича звучал авторитетно. Его ввели в Совет Казахского филиала Академии наук СССР, все чаще и чаще приглашали в Алма-Ату для консультаций. Его хорошо узнали лично и считались с его мнением при решении вопросов развития производительных сил республики руководители партийной организации и правительства Казахстана.

Вполне естественно возникла мысль о переводе Каныша Имантаевича в столицу республики. Академия наук даже вступила в переговоры об этом с Наркоматом тяжелой промышленности. Сатпаеву дали блестящую характеристику, но категорически отказались отпустить из своего ведомства. Да и он сам считал преждевременным покидать Джезказган.

В октябре 1940 года Советский Казахстан праздновал свое двадцатилетие. В дни юбилея Каныш

Имантаевич в числе других верных сынов своего народа был награжден орденом Ленина.

Президиум Академии наук СССР отметил эту дату специальным собранием и обратился в правительство Казахской республики с просьбой выделить докладчика по теме: «Развитие науки в Казахстане за двадцать лет». Ответная телеграмма сообщала, что с докладом в Москву выезжает инженер Сатпаев.

Каныш Имантаевич приехал в Москву в день собрания, 1 ноября, и появился в здании Президиума Академии минут за двадцать до начала. С картами, свернутыми в трубку, с портфелем.

Стали развешивать карты.

— Тезисы у вас есть?

— Да, доклад написан.— И Сатпаев вытащил из портфеля объемистую папку.

Сатпаев поднялся на трибуну, положил перед собой папку. Но она так и осталась нераскрытой. Он говорил несколько эмоциональнее, взволнованней, чем это было принято в стенах Академии. С горечью вспоминал прошлое угнетенного казахского народа, у которого было отнято даже его имя. С радостью рассказывал о его возрождении, с благодарностью говорил о Коммунистической партии, о помощи со стороны русского народа, и в частности русских ученых. Убедительно обрисовывал пути решения узловых проблем развития производительных сил республики. Были в докладе и цифры. Сатпаев приводил их на память, они звучали весомо и подсказывались самой логикой изложения.

Каныш Имантаевич подвел некоторые итоги работы филиала Академии наук в Казахстане и, взглянув в ближайшее будущее, высказал свое мнение о том, что республике нужно все больше и боль-

ше ученых, а вырастить их без дополнительной помощи Москвы очень трудно.

Доклад продолжался значительно больше часа. После заседания только и разговоров было что о Сатпаеве. К нему подходили академики, жали руку, задавали вопросы. Находились энтузиасты, готовые немедленно помочь Казахскому филиалу.

После этого выступления Каныша Имантаевича в Академии наук пришли к окончательному убеждению, что лучшей кандидатуры, чем Сатпаев, для руководства Институтом геологии в Алма-Ате не найти. Эту кандидатуру поддержали и в ЦК партии, и в правительстве Казахстана.

На этот раз Каныш Имантаевич понял, что он не имеет морального права отказаться от новой должности. Он решил дать согласие и потому, что Большой Джезказган уже стал реальностью: в цифрах плана, в составах, груженых сибирским лесом, котлованах в степи, заводах бетона.

...Раннее лето 1941 года было каким-то удивительно теплым и цветущим. Каныш Имантаевич, объезжая самые дальние партии, самые заповедные уголки, говорил и друзьям, и джезказганским степям и сопкам: «До свиданья!» Потому что знал: навсегда он с ними не прощается, он еще не раз приедет сюда.

Проводы ему устроили в Джезды, на берегу речушки. В густой траве было полно цветов. В кустарниках краснел шиповник. Пряный запах полыни смешивался с дымком костров. Были здесь и Егизбек, и Петро, и Саид Сейфуллин, и Василий Штифанов. Приехал еще более постаревший Маман, привез свежего кумыса и образчик чудного малахита — на память. Кем-то потревоженные утки вылетели из близких камышей со свистом, едва не коснувшись крыльями треножника над костром.

Вокруг была тишина, степь. На горизонте темнел невысокий глинобитный могильник.

Не было еще поселка Джебды, не было и в помине марганцевого рудника, вскоре прославившегося на всю страну.

Подняли пиалы и стаканы в честь Каныша Имантаевича, пожелали ему доброй дороги.

Расставаться всегда грустно, но Сатпаев шутил, смеялся, поддерживал друзей и самого себя. На обратном пути в Карсакпай молчали.

— Что же это мы приумолкли? Давайте споем.

И Каныш Имантаевич взял высокую ноту. С песней и въехали в поселок.

Показалось странным, что во всех домах освещены окна. Обыкновенно в этот час в поселке спали и светились только огни завода.

Машина остановилась у дома. Фары осветили карагач, крыльцо. На крыльце, скрестив руки, стояла мать Таисии Алексеевны.

Вышли из машины шумной ватагой. Хотели продолжить прощальный вечер на квартире у Каныша.

Бабушка продолжала стоять скрестив руки.

— Что это вы такая невеселая? — обратился к ней Сатпаев.

— Сейчас никто не может веселиться. — Голос бабушки задрожал. — Вы что, не знаете? Война! Гитлер на нас напал.

Воскресенье 22 июня 1941 года было на исходе.

В грозные годы

Привычная пыльная дорога из Карсакпая на станцию Джусалы показалась на этот раз Сатпаеву особенно долгой. Трудно было свыкнуться с мыслями,

что идет война, что именно в эти тревожные дни он расстается с Джебказганом. На редких пикетах заправляли, как всегда, водой радиаторы машин, подкреплялись едой, пили кумыс и чай. Каныш Имантаевич, против обыкновения, был замкнут, неразговорчив и поторапливал шоферов.

В Джусалы приехали в срок. Однако знакомый начальник станции не обрадовал:

— Боюсь, товарищ Сатпаев, сегодня не уедете.

— Что, нет билетов?

— Нет поездов в сторону Алма-Аты.

Составы шли только на запад. Военные эшелоны, один за другим. Теплушки, реже пассажирские вагоны, платформы с зачехленными орудиями и танками, с автомашинами, полевыми кухнями, военным грузом, скрытым под брезентом.

Сатпаев вглядывался в лица красноармейцев, мелькавшие словно в кино. Больше молодые, совсем молодые. Но встречались и резервисты, среди них и его ровесники.

Может быть, и его место с ними — на фронте? На этот вопрос еще предстояло дать ответ.

День Сатпаевы провели на перроне и в неуютном здании вокзала. На ночлег устроились в домике экспедитора. Ночью Сатпаев несколько раз уходил на станцию и неизменно возвращался ни с чем к своим домашним. Так было и на вторые, на третьи, и на четвертые сутки.

Когда стало известно, что наконец-то прибывает скорый на Алма-Ату, начальник станции с виноватой улыбкой сказал:

— Мест, товарищ Сатпаев, конечно, нет. Шутка сказать, сколько дней не было поезда. Но вы не беспокойтесь. Мы вам билетыки выдадим, как-нибудь поможем уехать.

Посадка была трудной. Начальник станции использовал всю свою власть, чтобы устроить Сатпаевых в переполненном поезде.

Шел девятый день войны. Радио в поезде не работало, газеты были трехдневной давности. Вспыхивали и затухали невеселые разговоры о положении на фронте. В поезде ехали первые беженцы из пограничных районов Белоруссии.

Но по-прежнему встречные эшелоны мчались на запад, и вера в то, что враг скоро будет повержен, перевешивала горькие путевые впечатления.

Алма-Ата несколько удивила Сатпаевых спокойным ритмом жизни. Город радовал свежестью зелени, прохладным по сравнению с Карсакпаем и Джусалы летом. Квартиру они получили по тем временам отличную, наискосок от театра оперы и балета, в нескольких кварталах от Геологического института.

Однако в первые же алма-атинские дни Сатпаев убедился, что и здесь, в глубоком тылу, люди стали строже относиться друг к другу, повысилась мера ответственности.

— Геологический институт остается за вами, Каныш Имантаевич,— сказал ему заведующий отделом ЦК,— но одновременно вы берите в свои руки руководство Казахским филиалом Академии наук. Словом, принимайтесь за дело.

Это назначение явилось для Сатпаева полной неожиданностью, но он понимал, что не только возражать, но и обсуждать назначение совершенно неуместно. Нужно было, действительно, приниматься за дело.

Институт геологических наук он знал хорошо и раньше. Из всех его сотрудников только четверо

имели ученые степени. Четыре сектора и небогатая химико-аналитическая лаборатория — вот и все, чем располагал институт. Но он был единственным институтом в филиале Академии. Значит, перестройку на военный лад надо было начинать с него и постепенно привлекать к ней и химиков, и ботаников, и зоологов, и почвоведов, и астрономов, и работников гуманитарных наук. Знакомясь, например, с планами сектора ботаники, он вычеркивал темы, с которыми можно было повременить, и укреплял экспедиции, занимавшиеся поисками лекарственных растений. Расспрашивал почвоведов, что можно сделать для форсирования составления почвенной карты республики: уже тогда перед Казахстаном вставала задача расширения посевов.

Каныш Имантаевич поднимался, по обыкновению, рано, точно расписывал и уплотнял, как только мог, свой рабочий день, прихватывал для работы и вечерние часы, но минута в минуту приходил на военные занятия в городской парк. Он собирал и разбирал винтовку, учился стрелять по мишеням, маршировал с полной выкладкой, ползал по-пластунски, ничем не отличаясь от других участников батальона всеобуча Фрунзенского района. Здесь в одном строю шагали и бородачи-партизаны времен гражданской войны, и ученые, и писатели, и те, кто получил отсрочку от призыва в армию по возрасту либо по другим причинам.

Однажды, когда все домашние уже спали, пристроившись на кухне, Каныш Имантаевич засел за письмо друзьям в Карсакпай. Он представил здание геологической конторы, холмистую степь, где расположились буровики, отчетливо увидел невысокого, тихого Саида Сейфуллина, которого не мог вывести

из равновесия даже вспыльчивый Вася, его, Сатпаева, преемник, Василий Иванович Штифанов. Два характера как бы дополняли друг друга. Сейчас Каныш Имантаевич испытывал потребность и просто поделиться своими нелегкими заботами с друзьями, и помочь им живым соучастием в начатых совместно делах. Отдалившись от Джезказгана, он еще яснее увидел значение его руд для обороны страны. Особенно беспокоила Сатпаева судьба Джездинского марганцевого месторождения.

Строки письма ложились быстро, плотно и без помарок:

«Дорогие Василий Иванович и Саид Нагимович! В Алма-Ату приехали 1 июля, багаж прибыл 3-го. Сейчас окончательно устроились с обжитием квартиры, со службой... Практически вся нагрузка по филиалу падает на меня. В связи с переживаемым военным периодом встало большое количество вопросов по переориентации работы филиала на оборонную тематику, консервации на время ряда работ, переключению на ходу на разработку новых тем, по утряске и частичному сокращению кадров и т. д. Наряду с этим приходится выполнять ряд поручений, обычно срочных, отдельных руководящих организаций и лиц. Словом, к своему великому стыду, пишу вам только спустя 19 дней со дня приезда в Алма-Ату. Думаю, что простите великодушно за долгое молчание. Алма-Ата по-прежнему чудесна и тонет в зелени. Население города живет и работает с удвоенным напряжением, внося свою лепту в оборону страны...»

И сразу деловые соображения, расписанные по пунктам, подкрепленные цифрами:

«Договор на разведку Джездинского месторождения, наверное, уже давно получен вами. Измене-

ния, вернее, небольшие уточнения, которые внесены в первоначальный текст, считаю полностью приемлемыми для нас:

а) 1,5 миллиона тонн руды наберем, быть может, даже с изрядными процентами из залежей № 2 и № 10, не считая даже запаса, подсчитанного раньше в других залежах месторождения».

За пунктом «а» следовали столь же деловые параграфы «б», «в», «г»...

Заканчивалось это большое письмо так:

«Откровенно говоря, несмотря на столичную жизнь и на расширение сферы разбираемых вопросов, продолжаю тосковать по родному Джезказганскому району. Убедительно прошу вас обоих написать мне возможно подробно о ходе ваших работ и их перспективах.

Какие результаты разведок на Джездех. Если Иосиф Николаевич (речь идет о геологе Богданчикове.— А. Б.) закончил свой отчет по Кривому Рогу, прошу прислать мне один экземпляр.

Передайте от меня горячий привет всем дорогим геологоразведчикам... Целую вас крепко. Ваш К. Сатпаев».

В эти дни он изучал материалы геологической экспедиции на юго-западе Казахстана и намечал возможности форсированного освоения месторождения ванадиевых руд,— ванадий стал особенно необходимым для производства ответственных марок сталей, применяемых в самолетостроении; беседовал с теми, кто работал в Центральном Казахстане и Заилийском Алатау на месторождениях молибдена и вольфрама — металлов, идущих в добавку к сортам стали для изготовления орудийных стволов; собирал ученых-металлургов, чтобы обсудить с ними пути увеличения выплавки меди на Балхашском

заводе. Медь, свинец, ванадий, вольфрам, молибден... Но нельзя было забывать и о фосфоритах. Тут же всплывала проблема кендырлыкских сланцев, из которых, как оказалось, можно получать моторное топливо.

В вопросах геологии Сатпаев, понятно, чувствовал себя свободно и уверенно. Но одновременно он вынужден был вникать и в такие далекие от него прежде дела, как, например, рыбный промысел. Едва он успевал получить и прочитать материалы ихтиологов, как возникала потребность найти способ получения дубильных веществ и прочных красок из местного растительного сырья. Как выяснялось, и эта проблема имела прямое отношение к нуждам фронта.

За всеми этими большими и малыми заботами Сатпаев постоянно помнил о Джебды. Ведь он и прощался 22 июня со своими товарищами на берегу той речушки, имя которой получило марганцевое месторождение. Там за скалами и начинались залежи руды.

Когда Каныш Имантаевич писал свое первое письмо Штифанову и Сейфуллину, гитлеровцы еще были далеко от Кривого Рога, от Никополя. Но к середине августа они придвинулись к Криворожью, а вскоре армии Южного фронта отступили за Днепр. Месторождение марганца оказалось в руках врага.

Качественная металлургия, производящая броневой лист, не могла обходиться без марганца. На Магнитогорский металлургический комбинат, где специалисты разработали новую технологию получения особопрочного броневых листов, марганцевая руда поступала теперь только из района реки Полуночной в Свердловской области. Уральский марганец давался трудно, к тому же заедало бездорожье. Страна ну-

ждалась в новых месторождениях марганцевых руд.

Вот почему Каныш Имантаевич пишет своим друзьям:

«15 октября 1941 г. Добрый день, дорогие Саид Нагимович и Василий Иванович!

Ваши письма получил и очень благодарен за них. От души радуюсь успехам родного коллектива джезказганцев и карсакпайцев, вышедших в первую шеренгу предприятий цветной металлопромышленности в республике... Желаю и в дальнейшем такой же образцовой стахановской работы. В этом успехе имеется, конечно, и львиная доля заслуг геологоразведчиков, сумевших выявить и указать наиболее богатые по меди участки руд. Научные учреждения Алма-Аты также живут напряженной военной жизнью.

Казахстанский филиал постепенно становится подлинным центром научно-исследовательской жизни столицы. В его составе организовано еще два новых института. Удалось получить новое хорошее помещение, куда переселены все учреждения филиала. В старом помещении остался один лишь Геологический институт. Создан ряд новых лабораторий. Создается и открывается к октябрьским торжествам геологический музей.

Кроме Геологического института и Президиума филиала Академии наук, на меня возложено и фактическое руководство вновь организованным научно-техническим советом. Работать приходится очень много, но работа интересная, захватывающая, а потому и малоутомительная...»

Так Сатпаев словно отчитывался перед своими товарищами. Сделано было действительно немало. А ведь прошло всего около четырех месяцев со дня его приезда в Алма-Ату. Но, делясь своими забота-

ми, он одновременно ориентировал джезказганцев в главном и, по существу, продолжал руководить геологоразведочными работами.

«...Наиболее актуальным в переживаемый период является использование для нужд страны тех природных ресурсов, освоение которых посильно республике без больших капитальных затрат и сложного оборудования. По нашему Джезказганскому району сюда относятся...»

И дальше шел конкретный перечень разработки сырьевых запасов с особым выделением «марганцевых руд Джезды для транспортировки на Урал». Задача была сформулирована точно, с близкой и ясной производственной перспективой. В этом же письме Каныш Имантаевич просил ускорить присылку ему геологических материалов последних месяцев по разведкам в районе марганцевых залежей.

Выступление Каныша Имантаевича по казахскому радио в канун нового, 1942 года было проникнуто уверенностью в победе и гордостью за работу ученых Казахстана.

«...Особенно энергично и продуктивно потрудились геологи,— говорил он.— Неутомимые разведчики недр выявили в 1941 году много новых месторождений важнейших металлов... На ряде марганцевых месторождений Центрального Казахстана уже начались подготовительные работы для широкой разработки их в 1942 году».

В начале января в Алма-Ату приехал Саид Сейфуллин. В гостиницах города мест не было. А требовалось срочно произвести предварительный подсчет запасов. Сатпаевы переселили детей в комнату к бабушке, Саиду освободили детскую. Сейфуллин завалил ее простынями чертежей, расчетов, карт. Днем Саид Нагимович разбирался в бумагах сам, ве-

чером к нему присоединялся Каныш Имантаевич. Порою они просиживали ночи напролет. Нужно было доказать перспективность и экономичность джездинских разработок.

Когда Сатпаев был уверен в своей правоте, он был решителен и неуступчив. Он умел убеждать других.

— Наш Каныш,— говорил впоследствии Василий Иванович Штифанов,— в отношении Джезды выдал крупный вексель. Ему поверили, и оплачен был вексель с лихвой.

Весь январь из Алма-Аты в Джезказган шли краткие письма Сатпаева — либо с инструкциями, либо с информацией о том, как продвигаются в столице республики джездинские дела.

В феврале Каныш Имантаевич приехал в Джезказган. В единственной юрте на площадке Джезды жили старик со старухой. Заносы были такими, что старики и своих ягнят спасали под ее крышей. Сатпаев приехал не один. С ним был москвич из главка, уже знакомый с подсчетом запасов и данными анализов руды. Не так-то просто оказалось осмотреть площадку будущего рудника. Они с трудом доехали до нее на санях, а к юрте пробирались, проваливаясь по пояс в сугробах.

— Давайте сделаем один эксперимент,— предложил Сатпаев после чая в задымленной юрте.— Для него потребуются некоторые физические усилия. Согласны? Значит, вооружимся лопатами.

Они принялись расчищать снег. Потом Сатпаев несколько раз ударил ломом по мерзлой земле, не без труда снял верхний слой и скоро уже протягивал спутнику тускло поблескивающие куски руды.

— Узнаете?

Да, это была марганцевая руда. Москвич убе-

дился воочию, как близко от поверхности она залегала. Значит, и добывать ее на первых порах будет сравнительно легко.

А в мартовскую ростепель сюда уже прибыл директор будущего рудоправления криворожец Михайлов. Им владело одно желание — скорее обеспечить Магнитку рудой, необходимой для танковой брони. Приехал начинать строительство, в то время как геологи продолжали разведку, бурили скважины. И геологи и строители нетерпеливо ждали прихода весны.

В мае двести грузовых машин начали транспортировку строительных материалов и оборудования. Строительство рудника, доразведование его запасов и добыча марганцевой руды проходили одновременно.

Жители окрестных аулов, эвакуированные криворожцы, буровики и другие рабочие Джезказганской геологоразведочной конторы жили сперва в юртах, позднее в фанерных бараках с нарами в три яруса. Первую конторку сложили из дерна. Руду добывали кайлами с поверхности, доставляли к грузовикам на носилках. Техника была самой примитивной. Даже плуги находились на вооружении горняков. Но в транспортировке руда не знала задержки. Машины одна за другой отвозили ее на 22-й разъезд, а оттуда открывалась «зеленая улица» на Урал.

...Худощавый и жилистый, стремительный в движениях, рудничный геолог Иосиф Николаевич Богданчиков впоследствии вспоминал:

— Эксплуатация рудника шла полным ходом, а я все еще продолжал разведку. Первая скважина не дала ожидаемых результатов, перешли на вторую, третью. Дальше — лучше. Все прогнозы оправдывались. Горняки работали любо-дорого смотреть.

Это был единственный случай в большой моей практике, когда добыча шла впереди разведки.

Пожилой, седенький Богданчиков вспомнил 1942-й, вспомнил себя, еще молодого, вспомнил своего наставника Каныша Сатпаева и вздохнул:

— Да, дороже золота была нам та руда. После смены горняки уставали так, что нары казались пуховиками.

Теперь у входа в двухэтажную контору Джездинского рудоуправления, окруженного небольшим парком — невысокими деревцами серебристой джигды, на медной мемориальной доске высечены строгие краткие слова:

«12 июня 1942 года в грозные дни Великой Отечественной войны, всего за 38 дней, героическим трудом джездинцев был построен марганцевый рудник».

В «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» можно прочесть о том, как с вводом в строй рудников Джездинского месторождения восточные районы страны стали давать 84,6 процента всего производства марганцевой руды в стране. «Организация выплавки ферромарганца на заводах востока, — сказано там же, — явилась большой победой, равной по своему значению выигрышу крупного военного сражения».

Теперь Джезды — благоустроенный поселок городского типа со школами, больницей, магазинами, с превосходной здравницей — профилакторием, с парком и клубом.

Начальником Джездинского рудоуправления работает инженер Абдрахман Тохтабаев. Это тот самый грустный мальчуган, который далекой осенью забрел на квартиру Сатпаевых в Карсакпае и попросил у Таисии Алексеевны разрешения подмести во-

круг дома, тот самый мальчуган, который с помощью Каныша Имантаевича прошел путь от фаб-завуча до Горно-металлургического института.

Когда марганцевая руда — состав за составом — пошла в Магнитогорск, Сатпаев почувствовал, что он и в тылу исполнил долг солдата.

Лишенный мелкого честолюбия, тем более тщеславия, он испытал чувство подлинной радости, когда узнал, что за теоретическое исследование «Рудные месторождения Дзержинского района», обобщавшее пятнадцатилетний опыт, ему была присуждена Государственная премия. 19 апреля 1942 года в поздравлении ЦК партии и правительства республики, опубликованном в «Казахстанской правде», было сказано: «Ваша работа по освоению недр Казахстана является не только ценнейшим вкладом в геологическую науку, но и в первую очередь непосредственно служит делу разгрома немецко-фашистских захватчиков».

Каныша Имантаевича хватало и на выполнение многочисленных общественных обязанностей.

Он часто появлялся в военных госпиталях, и раненые бойцы привыкли к его крупной фигуре, добрым глазам, неторопливой речи, к его умению просто рассказывать не только о том, как помогают Казахстан и его ученые фронту, но и о подвигах воинов-казахстанцев. Каныш Имантаевич понимал: и боль от ран дает о себе знать, и на душе у бойцов не всегда весело, поэтому позволял себе и шутку, а если его посещение госпиталя совпадало с хорошими известиями Совинформбюро, не забывал поздравить бойцов и поделиться с ними общей радостью. Следил он и за тем, чтобы другие ученые навещали раненых. Недаром Туркестанский военный округ наградил его Почетной грамотой.

Круг государственных забот Сатпаева даже трудно представить. В 1942 году он вместе с академиком Иваном Павловичем Бардиным, «металлургом № 1», занимался проблемами строительства Карагандинского металлургического завода, участвовал в качестве члена Государственной комиссии в выборе места его будущей площадки, держал постоянную связь с Джезказганом, Балхашем, Рудным Алтаем.

А руководство Геологическим институтом! Ведь именно в ту пору институт стал самым мощным научным учреждением в Казахстане, оснастился рядом новых лабораторий, заметно увеличил число полевых экспедиций, вел успешный поиск.

Много энергии отдавал Сатпаев и руководству Казахским филиалом Академии наук СССР. В этот, 1942-й, военный год создается Химико-металлургический научно-исследовательский институт, стремительно развивается Институт астрономии и физики, который возглавил академик Василий Григорьевич Фесенков. А такие подразделения филиала, как секторы почвоведения и ботаники, по размаху теоретической и практической работы стали крупномасштабными действующими моделями будущих институтов.

Свой доклад на юбилейной сессии Казахского филиала, посвященной 25-летию Великого Октября, Каныш Имантаевич закончил так: «Имеются все данные для того, чтобы к предстоящему 25-летию Казахской республики в 1945 году, когда Советская страна после окончательной победы над темными силами фашизма, несомненно, уже будет находиться в условиях мирного развития, на базе Казахского филиала Академии наук СССР создать Академию наук Казахской ССР».

Это было сказано в ноябре 1942 года.

Однажды вечером, вскоре после юбилейной сессии, Сатпаев зашел по делам к секретарю Фрунзенского райкома партии Ивану Анфимовичу Кирилличеву. Разговор начался со Сталинграда, с очередных сводок Совинформбюро, потом перешли к делам филиала.

Как рассказал об этом Иван Анфимович, он сам повернул беседу в другое русло:

— Вот вы, Каныш Имантаевич, обсуждаете со мной вопросы партийной работы, просите, чтобы мы подобрали хорошего организатора на пост секретаря партбюро, а ведь вы, будучи известным ученым, сами остаетесь беспартийным. В чем тут дело?

Канышу Имантаевичу нелегко было ответить сразу на этот вопрос, хотя в общем он не был для него неожиданным.

— Вот справлюсь с филиалом, создадим все вместе Академию, а уж тогда и в партию.

— Вы уже давно это оправдали, Каныш Имантаевич,— возразил Кирилличев.

Журналист по профессии, он несколько увлекся и стал говорить Сатпаеву о Сатпаеве, назвал его одним из лучших представителей советской науки.

Каныш Имантаевич помрачнел:

— Прошу вас, я очень не люблю, когда обо мне так говорят. Не надо меня хвалить.

Вскоре К. И. Сатпаев стал кандидатом, а еще через год — членом Коммунистической партии.

Рождение Академии

Какому городу легко жилось в военные годы? Отдаленная от фронта тысячами километров, Алма-Ата тоже чувствовала его дыхание. Предприятия рабо-

**К. И. Сатпаев
на буровой
осматривает
только что поднятый
керн. Дзезказган, 1934 г.**

**В зале заседания
Верховного
Совета СССР.
На переднем плане
депутаты
Народный артист
Казахской ССР
К. Куанышбаев
и К. И. Сатпаев**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
К. Е. Ворошилов в Академии наук Казахской ССР, 1956 г.
Слева К. И. Сатпаев.

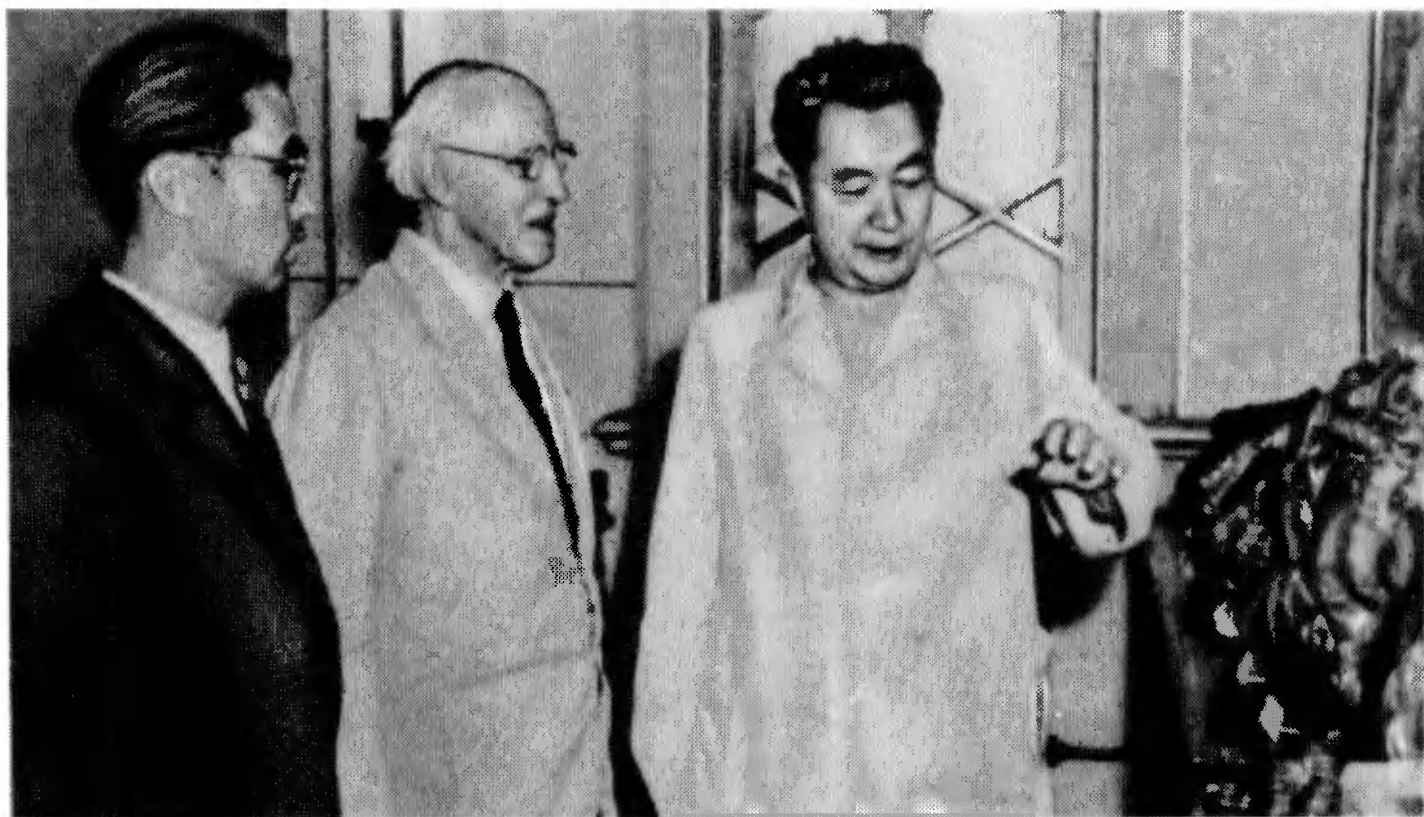
К. И. Сатпаев вместе с энергетиками,
геологами и гидрографами рассматривает проект трассы
Иртыш — Караганда. 1960 г.

В 1959 году
в гостях у ученых
Казахстана побывал
Президент ДРВ
товарищ Хо Ши Мин.

Настоятель
Кентерберийского
собора
Хьюлетт Джонсон
осматривает
геологический музей
в Алма-Ате,
Пояснения дает
К. И. Сатпаев.

**К. И. Сатпаев
в Джекказгане.
1953 г.**

**В гостях
у английских
парламентариев.
1947 г.**

тали на оборону. Около госпиталей крутились школьники с яблоками и книгами, стояли женщины, чтобы, когда раненые выглянут в окна или выйдут на прогулку, расспросить их о боях, передать подарки. Приезжали на краткие побывки фронтовики, возвращались делегации трудящихся с фронта. Уходили на войну те, кто был еще слишком молод в июне сорок первого. Почтальонши разносили солдатские треугольники. Словом, все было так, как в любом тыловом городе.

В Алма-Ате работал один из лучших театров страны — Театр имени Моссовета. Сюда были эвакуированы коллективы «Мосфильма» и «Ленфильма». В это время здесь создавали кинокартины режиссеры Сергей Эйзенштейн, Всеволод Пудовкин, Григорий Рошаль, снимались в кино артисты Николай Черкасов, Михаил Жаров, Борис Бабочкин, Вера Марецкая, Любовь Орлова. Вышли на экран фильмы «Фронт», «Жди меня», «Она защищает Родину», «Иван Грозный».

Здесь трудился Сергеев-Ценский, писал новеллы и очерки для союзной и алма-атинской печати Константин Паустовский, с которым разделил свой кров поэт Абдильда Тажибаев, наездами из Ташкента бывал поэт Владимир Луговской. В 1941—1942 годах в редакцию «Казахстанской правды» приносили свои отточенные сатирические рисунки художники Кукрыниксы, а язвительные стихотворные подписи к ним делал поэт Самуил Маршак.

Таисия Алексеевна вспоминает один товарищеский ужин после юбилейной сессии Казахского филиала Академии. На него были приглашены и представители творческой интеллигенции. Читал стихи Константин Симонов, приехавший с фронта на краткую побывку по своим кинематографическим

делам. Потом решили потанцевать. Алма-атинский геолог, профессор Иван Иванович Бок, набравшись смелости, подошел к Галине Улановой и с подкупающей вежливостью пригласил ее на тур вальса.

После первого круга она поблагодарила Ивана Ивановича:

— Вы достойный партнер. Только, кажется, отдавили мне ногу.

Это обстоятельство мало смутило геолога, он так и сиял от счастья.

Впоследствии Каныш Имантаевич в тесном кругу говаривал, посмеиваясь одними глазами:

— Как, вы не знаете Ивана Ивановича Бока? Ведь он прекрасный танцор. Не каждому удастся танцевать в паре с самой Улановой.

Эвакуировались в Алма-Ату и ученые, но их на первых порах было совсем немного. Академия наук во главе с президентом Владимиром Леонтьевичем Комаровым находилась в Свердловске. Там же развернула свою деятельность и созданная при Академии Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Казахстана и Сибири для обороны страны. В комиссии энергично работал и старейшина советских геологов, восьмидесятилетний академик Владимир Афанасьевич Обручев. Казахский филиал с первых месяцев войны поддерживал со Свердловском постоянную связь.

Большую поддержку в борьбе Каныша Имантаевича за джездинский марганец оказал в начале 1942 года академик Иван Павлович Бардин. Невысокий, кряжистый человек, едва заметно окающий, Иван Павлович больше походил на инженера-практика, нежели на кабинетного ученого. Да он и был инженером, бывалым инженером, которому довелось поработать и на металлургическом заводе в Чикаго,

и в Юзовке, и в Сибири. Иван Павлович прославился как один из строителей Кузнецкого металлургического комбината, проходил школу управления под непосредственным руководством Серго Орджоникидзе, был заместителем наркома черной металлургии СССР. Бардин в равной мере являлся выдающимся производственником и талантливым ученым, теоретически обосновавшим и разработавшим новые методы производства черных металлов и высококачественной стали.

После нескольких встреч Бардин высоко оценил Сатпаева, повторявшего в другое время и в несколько иной форме путь самого Ивана Павловича. Они хорошо узнали друг друга в те военные месяцы, когда решалась судьба строительства первенца черной металлургии Казахской республики — завода в Темиртау.

Бардин убедился в умении Сатпаева решать вопросы комплексно и широко, в его глубоких знаниях не только рудных месторождений Казахстана, но и всей экономики республики. В свою очередь Каныш Имантаевич учился у Ивана Павловича государственному подходу к делу и смелому инженерному размаху.

Бардин помог Казахскому филиалу создать еще один институт — металлургии и обогащения. Однажды Иван Павлович сказал:

— Вы, Каныш Имантаевич, так горячо отстаивали идею создания института, что даже меня сагитировали, а я ведь не из поддающихся...

Позднее Бардин и Сатпаев сдружились еще крепче в совместных поездках по рудным и металлургическим районам республики.

...В тихом Боровом, сосновом и березовом оазисе среди приишимских степей, в Боровом с его светлы-

ми озерами и причудливой формы гранитными взгорьями главный корпус санатория и дачи-коттеджи были предоставлены пожилым академикам, их семьям и семьям комсостава Красной Армии. Здесь жили Гамалея, Вернадский, Берг. И Владимира Леонтьевича Комарова, и Владимира Афанасьевича Обручева Каныш Имантаевич от имени правительства Казахстана не раз приглашал поселиться в этом благословенном уголке. Но обязанности и президента Академии и академика-секретаря Геолого-географического отделения требовали их присутствия в Свердловске и от гостеприимного предложения воспользоваться благами казахстанской природы вынуждали отказаться. Побывать в Казахстане на кратком отдыхе — другое дело!

...Владимира Леонтьевича встретили в столице Казахстана весной 1943 года. Случилось так, что той же весной Канышу Имантаевичу сделали операцию аппендицита, и он поселился подправить свое здоровье в одном из домов отдыха в предгорьях Алатау. Комнаты Комарова и Сатпаева оказались рядом.

Сатпаев шутил: «Не было счастья, да несчастье помогло».

В пору цветения яблонь, у самой кромки пояса тяньшаньских елей Каныш Имантаевич сблизился с обаятельным Владимиром Леонтьевичем, первым ботаником страны и одним из выдающихся руководителей Академии.

Сатпаев и раньше знал Комарова. Ему глубоко импонировало то обстоятельство, что с начала тридцатых годов по настоянию президента ряды Академии пополнялись представителями технических дисциплин. Исключительно важная роль принадлежала Владимиру Леонтьевичу в создании баз и филиалов Академии наук на местах. Такая периферийная ба-

за была основана в 1932 году и в Казахстане. Спустя несколько лет она преобразовалась в филиал, а теперь все чаще высказывалась мысль о преобразовании филиала в Академию наук республики.

Они прогуливались тенистыми дорожками сада, звучащего птичьим гомоном и мягким журчаньем арыков. Невысокий старик с аккуратно подстриженной седой эспаньолкой и еще очень моложавый, а с точки зрения Комарова, просто молодой казахский ученый, разговаривающий о всех делах уверенно, но с необыкновенным тактом.

Иногда они совершали прогулки в соседнее ущелье, заросшее дикими яблонями и урюком.

Каныш Имантаевич знакомил Владимира Леонтьевича с казахскими названиями трав и кустарников, рассказывал, как используются растения в народной медицине.

— Вы геолог, и, конечно, геологу надо знать ботанику, но вашим познаниям я просто удивляюсь,— заметил Комаров.

— Нет, Владимир Леонтьевич, вы преувеличиваете. Я в этой области сущий дилетант. А вот вашими работами в области геологии я, действительно, восхищаюсь.

Беседы президента Академии и руководителя Казахского филиала были дружескими, лишенными всякой официальности. Как-то они гуляли в предвечерний час, когда в небе, слабо расцвеченном последними красками заката, робко зажигаются звезды.

— Шолпан, красавица Шолпан,— указал Каныш Имантаевич на Венеру,— однако я тут не совсем точен. Утренняя или вечерняя Венера, по народной астрономии, разные звезды. Шолпан появляется только перед утренней зарей. Пастушеская звезда. Зовет подымать отары.

В горах, как всегда, небо темнело рано и быстро, с каждой минутой звезды становились ярче и крупнее.

— Фесенков пленился здешним небом. Вы, наверное, помните, он приехал сюда в 1941 году наблюдать солнечное затмение. А потом и остался,— возвращаться ему и сотрудникам в Москву было уже нецелесообразно. Он предложил создать Институт астрономии и физики при Казахском филиале. Мы, конечно, ухватились за эту идею, и в октябре по нашему докладу в Совнарком подписали постановление о создании такого института,— рассказывал Сатпаев.

— Небо здесь в предгорьях, действительно, чудесно,— ответил Комаров.— Даже завидую астрономам.

Дорожка чуть светлела среди невидимой травы, под темными деревьями, под яркими звездами....

...Порою к ним присоединялся академик Иван Иванович Мещанинов, крупнейший филолог-языковед.

Хотя Иван Иванович немного окреп после Ленинградской блокады, знавшие его прежде находили, что он очень изменился, осунулся, постарел.

— Послушайте,— как-то рассказывал Иван Иванович,— вчера я провел вечер у Мухтара Омархановича Ауэзова. Писатель он великолепный, но речь сейчас не об этом. Мухтар Омарханович меня поразила своей эрудицией, знанием литературы Востока, богатырского эпоса народов Средней Азии. Я уже не говорю о том, как прекрасно он знает казахскую поэзию и фольклор...

Каныш Имантаевич воспользовался паузой:

— Мухтара я знаю с юности, с наших семипалатинских лет. Мы почти ровесники, он старше меня на

два года. Мухтар сейчас очень много работает. Не сомневаюсь, роман «Абай» станет заметнейшим явлением в литературе. Верю в исключительный талант Мухтара.

— И я в этом нисколько не сомневаюсь... Мы ведь тоже с ним немного земляки. По Ленинграду. У него, уверяю вас, чувствуется ленинградская школа. А заговорил я о Мухтаре Омархановиче потому, что вижу в нем академика будущей Академии наук Казахстана. Не правда ли, Каныш Имантаевич?

Сатпаев тепло взглянул на Мещанинова.

— И еще добавлю,— продолжил Иван Иванович,— в Алма-Ате много способных лингвистов и литературоведов. Даже мое не столь уж длительное знакомство с ними дает основание это утверждать.

Надо ли говорить о том, что встречи Каныша Имантаевича с президентом Академии и другими видными учеными проходили не только в доме отдыха, но и в деловой обстановке филиала, что московские академики детально знакомились с деятельностью новых институтов, в частности почвоведения и ботаники, и трех новых секторов — горного дела, энергетики и экономики.

Известна и официальная точка зрения о работе и перспективах развития Казахского филиала Академии, которую высказал В. Л. Комаров:

«Темп развития Казахского филиала АН СССР, расширение объема и рост качества научных исследований, наблюдаемые за последние три года, а также запроектированные СНК КазССР и Казахским филиалом Академии наук мероприятия по дальнейшему расширению и укреплению объединяемых филиалом научных учреждений дают Президиуму Академии наук СССР основание полагать, что в 1945 году будет возможность поставить вопрос о преобразова-

нии Казахского филиала Академии наук в Академию наук КазССР».

...Каныш Имантаевич постоянно беспокоился о будущих кадрах науки.

— Было бы неправильно,— говорил он,— пассивно ждать постепенного созревания объективных условий для создания Академии наук.

И подтверждал свою мысль так:

— Если бы мы отложили индустриализацию страны до того времени, когда вырастут инженерные кадры, то наша страна еще долго была бы отсталой, и мы проиграли бы войну.

Он искал будущих ученых и среди способных производственников, интересующихся теорией, и среди выпускников высших учебных заведений. Этого же Каныш Имантаевич требовал от своих коллег.

Стоит вдуматься в одну цифру: уже в 1943 году в стенах филиала обучалось свыше 50 аспирантов. За три военных года коллектив Казахского филиала вырос с 276 до 700 человек, а объем научной работы увеличился более чем в три раза.

Впрочем, никакой случайности в этом не было. Возросла роль республики в народном хозяйстве из-за временной утраты западных районов страны. Подъем экономики остро нуждался в разработке научных рекомендаций, и ученые республики призваны были на помощь промышленности и сельскому хозяйству. Активизировались научные силы, и рост их, естественно, нуждался в новых организационных формах.

Сатпаев повседневно чувствовал, как в ЦК Компартии Казахстана, Совнаркоме, Госплане республики повышались требования к нему, ко всем ученым, как постепенно они становились советчиками партийных, государственных и хозяйственных деятелей и

как в свою очередь шли навстречу интересам развития науки руководители республики. С Каныша Имантаевича много требовали, но с ним и считались. И сознание личной ответственности за судьбу больших государственных дел не покидало его ни на час. Он привык к самым неожиданным поручениям и образцово их выполнял.

Если в годы пятилеток, когда Сатпаев как геолог определял значение Джезказгана для развития цветной металлургии, он проявил талант организатора геологоразведывательных работ, то в военное время, когда Сатпаев стал во главе научных сил республики, глубоко осознав значение науки для экономики и обороны, для промышленного и культурного роста Казахстана, он проявил свой незаурядный талант и как организатор самой науки.

Тогда, в своей геологической конторе, в своих постоянных степных маршрутах, среди выпускников Алма-Атинского горно-металлургического института, он искал геологов, мастеров, инженеров, с которыми можно подымать Джезказган.

Теперь он всматривался в ученых, старых и молодых, беседовал с ними, стремясь определить их характер и долю их возможного вклада и в общее развитие данной отрасли науки, и в конкретную отрасль экономики, в дело обороны.

Едва ли не главный вклад внесли геологи. Это от их имени Каныш Имантаевич с понятной гордостью мог сказать еще в конце 1943 года: «...запасы недр Казахстана поставлены сейчас на оборону Родины. Каждые девять из десяти пуль, разящих гитлеровское зверье, отливаются из свинца, добытого в Казахстане. Больше половины танков одеты в броню, в которую вплавлен казахстанский молибден. Свыше одной трети гильз для патронов

и снарядов, аппаратуры для связи в действующей армии создано также из сплавов казахстанской меди».

Коллектив Института астрономии и физики, казалось бы, стоял довольно далеко от народнохозяйственных задач, тем более оборонных. Тем не менее в эти годы в его лабораториях проводился спектральный и радиометрический анализы руд ряда месторождений. В содружестве с ботаниками астрономы изготовили образцы новых высококачественных светофильтров, нашедших применение в противовоздушной обороне. И в это же время шла обработка и обобщение богатейшего научного материала, полученного при наблюдении полного солнечного затмения 1941 года. Продолжались и теоретические дискуссии на традиционных пятницах. Иногда их посещал и Каныш Имантаевич. Рождалась астроботаника, наука, до тех пор не существовавшая.

В ногу со временем шел Институт языка и литературы. Параллельно с работой над русско-казахским и казахско-русским толковыми словарями, с подготовкой академического словаря казахского языка лингвисты оперативно составили и выпустили русско-казахский военный словарь, неоценимый в обучении бойцов-казахов.

Историки с увлечением работали над материалами о Панфиловской дивизии, о битве под Москвой. Впервые увидела свет популярная «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней».

Именно тогда, в разгар войны, коллектив историков создавал основу и двухтомной «Истории Казахской ССР», а литературоведы выпустили первый том «Истории казахской литературы».

Так было едва ли не в каждой отрасли науки, едва ли не в каждом научном учреждении филиала,

будь то лаборатория генетики или Ботанический сад. Новый скороспелый сорт картофеля вывели ботаники, до той поры никогда не занимавшиеся корнеплодами. Новый сорт так и называли «Сортом ботанического сада». Одновременно ни на день не прекращалось кропотливое собирание гербария, насчитывавшего уже тогда более трех с половиной тысяч растений.

Руководить таким сложным научным коллективом для Сатпаева было ново. Хорошо, что и прежде он не замыкался в рамках своей специальности, стремился быть человеком разносторонне подготовленным, всегда интересовался историей, художественной литературой, театром. Иначе ему пришлось бы еще труднее.

Нужно было сочетать работу и по долговременным проблемам организации науки в Казахстане, и по выполнению учеными каждодневных задач, чаще всего связанных с нуждами военного времени.

Ему оставались буквально крохи времени на личную научную работу. Он старался использовать их особенно целеустремленно. Конечно, в его сферу входило научно-методическое руководство Джезказганской геологоразведочной экспедицией. Ведь под монографией «Рудные месторождения Джезказганского района» стояла дата: 1941 год. Противники его гипотезы гидротермального происхождения медного пояса нет-нет да и подымали голос, отстаивая свою осадочную версию. Надо было им отвечать, вооружаясь новыми фактами.

Большую научную поддержку Сатпаев оказывал молодым ученым. Вот книга Герасимова — «Современные проблемы геоморфологии Казахстана», лекции для аспирантов, прочитанные в Алма-Ате весной 1943 года. Обстоятельное предисловие к

лекциям написал Каныш Имантаевич. Следует прибавить и многочисленные доклады, покоряющие ясностью анализа и логической стройностью.

— Когда же он писал? — спросил я Таисию Алексеевну.

— Все спали, а Каныш работал, — отвечала она.

В годы Отечественной войны Каныш Имантаевич еще энергичнее, чем в джезказганские годы, сотрудничал в печати, выступал по казахскому радио. По всей стране прозвучала его пламенная речь на антифашистском митинге представителей народов Советского Востока в Ташкенте.

Предисловие Каныша Имантаевича в книжке Яновского-Максимова «Опыт стахановцев-горняков Лениногорска» обобщало достижения новаторов производства Хайдина, Тайжанова и других работников свинцово-цинкового комбината, возглавлявшегося тогда инженером Динмухамедом Ахмедовичем Кунаевым.

4 мая 1945 года в «Казахстанской правде» была опубликована статья Каныша Имантаевича «Подлинная весна человечества». Вместе со всеми он чувствовал, что враг повержен и считанные дни отделяют нас от последнего выстрела на фронте.

9 мая в Алма-Ате, как и повсюду, было днем всеобщего ликования, безмерной радости. В новой статье — «Народ-исполин, народ-богатырь» — Каныш Имантаевич поделился своими чувствами с соотечественниками, с воинами Советской Армии.

Город в мае омывали грозовые ливни, блестела на солнце молодая листва, запахи сирени и яблоневого цвета кружили голову.

Когда Сатпаев приходил в свой кабинет, его уже дожидалась пачка поздравительных писем и телеграмм.

— С победой, дорогой Каныш Имантаевич! — писали джезказганцы. — Приезжайте в Джезказган. Поставим юрту в предгорьях Улутау, будет свежий кумыс, молодая баранина. Поживите у нас, отдохните от забот.

Да разве в одном этом письме приглашали его на отдых. Разве из Баянаула не писали, что он, награжденный как воин и орденом Ленина и орденом Отечественной войны, теперь получил право отбросить хоть на несколько дней все заботы.

Он вспоминал тихие озера и спокойные светлые реки, вспоминал друзей, проводы на берегу Джебды, путь в Алма-Ату.

Четыре года прошли, как один. Какое это неповторимое и всеобъемлющее слово — Победа!

Что же, если сказать самому себе по совести, он действительно поработал неплохо. Но время ли подводить итоги, время ли вспоминать? Время ли ставить юрту для отдыха? Нет, сейчас он не может уйти от дел даже на месяц. Впереди — завершение организации Академии наук, самая трудная работа.

Сохранился проект письма заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР, написанный рукой Сатпаева.

«Советский Казахстан, — сказано, в частности, в письме, — имеет сейчас многотысячные кадры казахской интеллигенции, высоко поднявшие культуру своего народа. Фактическим центром науки в Казахстане стал Казахский филиал Академии наук СССР, созданный в 1932 году и особенно интенсивно развернувший свои научно-исследовательские работы в годы Отечественной войны. В научно-исследовательских институтах Казахского филиала работают свыше 40 докторов и профессоров и более 100 кандидатов наук и доцентов. Достижения Казахской ССР

в развитии экономики и культуры позволяют высказать мысль о том, что казахский народ имеет достаточные предпосылки ознаменовать приближающийся 25-летний юбилей Советского Казахстана организацией Академии наук Казахской ССР».

Письмо было подписано Председателем Совета Народных Комиссаров Казахской ССР Н. Ундасыновым и президентом Академии наук СССР академиком В. Л. Комаровым. Осенью 1945 года Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О подготовительных мероприятиях по созданию Академии наук Казахской ССР».

Канышу Имантаевичу и его товарищам по филиалу предстояла не менее напряженная, чем в годы войны, работа. И он выполнил ее с честью.

1 июня 1946 года состоялось торжественное открытие Академии наук Казахской ССР. Театр оперы и балета имени Абая выглядел так, как в дни всенародных праздников. Да это и был всенародный праздник республики.

После речи Н. Д. Ундасынова слово было предоставлено вице-президенту Академии наук СССР И. П. Бардину.

С докладом «Состояние и основные задачи развития науки в Казахстане» выступил К. И. Сатпаев.

На первой сессии действительными членами Академии наук Казахской ССР стали Ауэзов Мухтар Омарханович, Бектуров Абикен Бектурович, Галузо Илларион Григорьевич, Горяев Михаил Иванович, Жубанов Ахмет Куанович, Кассин Николай Григорьевич, Кенесбаев Смет Кенесбаевич, Павлов Николай Васильевич, Русаков Михаил Петрович, Сатпаев Каныш Имантаевич, Сауранбаев Нигмет Тналич, Тихов Гавриил Адрианович, Фесенков Василий Григорьевич, Юшков Серафим Владимирович.

Одновременно было утверждено шестнадцать членов-корреспондентов молодой Академии.

О строгом отборе кандидатов свидетельствовал хотя бы тот факт, что ко времени создания Академии в Казахстане было уже семьдесят шесть докторов наук и заслуженных деятелей науки.

По предложению М. О. Ауэзова, Н. В. Павлова и Г. А. Тихова президентом Академии был избран Каныш Имантаевич Сатпаев.

В октябре этого же года Каныш Имантаевич был избран в действительные члены Академии наук Союза ССР по отделению геолого-географических наук.

Он стал не только первым академиком-казахом, но и первым академиком, представляющим ученых республик Советского Востока.

Сатпаев в Англии

Легких времен в своей жизни Каныш Имантаевич, пожалуй, не припомнил бы. Но, как у всякого человека, годы, насыщенные волнующими, а порой и неожиданными событиями, у него перемежались годами относительно спокойными и ровными.

Уже зимой 1947-го Сатпаев знал, что ему надо готовиться к Всесоюзному майскому совещанию руководителей горнорудных предприятий Цветмета, которое впервые созывалось в Алма-Ате. Каныш Имантаевич считал необходимым теснее крепить связи молодой Казахской Академии, которой не исполнилось еще и года, с талантливыми инженерами, практиками-производственниками, чтобы привлечь их к науке. Он замышлял уже создание филиалов Академии в крупных промышленных городах.

Сами обстоятельства шли ему навстречу. Каныш Имантаевича выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета республики. К прежним обязанностям депутата Верховного Совета СССР прибавлялись новые. В связи с этим выдвижением он побывал в феврале в Усть-Каменогорске, Лениногорске, Зыряновске. Ездил по близким и дальним рудникам, встречался с геологами, горняками, строителями, животноводами, лесорубами, охотниками. Он стремился познакомиться с жизнью не только промышленных городов, но и селений, запрятанных в тайге. Крепкие морозы, змейки поземок на иртышском льду, белая тьма буранов. В полевом тулупе на волчьем меху разъезжал он на санной упряжке, если не летали самолеты и не ходили машины. Каныш Имантаевич дал своим избирателям обещание провести в этом же году в Усть-Каменогорске выездную сессию Академии, посвященную изучению богатств Рудного Алтая, все больше и больше поражающего его своей геологической палитрой.

Интересных дел было много.

И вдруг пришло неожиданное известие, что его включили в состав делегации Верховного Совета СССР для поездки в Англию. В пятидесятых годах наши ученые не так уж часто выезжали за рубеж. Тому было много причин. И главная — обострение международных отношений после печально известной речи Черчилля в Фултоне, положившей начало «холодной войне».

По приезде в Москву Каныш Имантаевич узнал состав делегации. Со многими парламентариями он был знаком раньше. Встречался в Алма-Ате с Константином Симоновым. С темпераментным Самедом Вургуном пробовал разговаривать на родном языке: у казахского и азербайджанского общие тюркские

корни. Но потом оба переходили на русский. Английский Сатпаев изучал в институте, однако основательно подзабыл, и не все ладилось с произношением.

Сидя в комфортабельном салоне воздушного лайнера, глядя, как медленно проплывают далеко внизу заснеженные леса и перелески, Каныш Имантаевич думал о стране, куда они летели. Англия, англичане... Он уже сталкивался с ними. Видел следы их хозяйничанья в родной степи. Тот дооктябрьский Джезказган, который английским дельцам представлялся источником их высоких прибылей, был правда стократ беднее нынешнего медными и иными рудами. Конечно, бывшие акционеры кое-что слышали о современном Джезказгане. В тридцатых годах они даже вносили запрос в парламент. Мол, как же быть с их капиталами, вложенными в рудники и завод? Должно быть, в Лондоне немного осведомлены и об Алма-Ате. Но как изменились времена. Он, джезказганский геолог, а ныне академик и президент Казахской Академии, едет в составе делегации Верховного Совета СССР в Лондон, откуда всего каких-нибудь тридцать — сорок лет назад на его родину приезжали потенциальные колонизаторы.

Сосед дотронулся до его плеча:

— Посмотрите вниз. Под нами — Берлин.

Самолет значительно снизил высоту. В иллюминаторе видны были очертания большого города. В поле зрения попадали и бесформенные развалины, и темные впадины воронок, и расчищенные пустыри. Кое-где поднимались одиночные каркасы новых строящихся зданий.

Сколько его друзей оставили свои фамилии на стенах рейхстага! И сколько земляков лежит в братских могилах! Вспомнился Карсыбай Спатаев, поч-

ти однофамилец, геройски погибший под Сталинградом, там, где была решена и судьба Берлина. Не без гордости подумалось, что в броне наших танков был и открытый им марганец Джебды.

Что-то записывал в блокнот Симонов, едва слышно напевал печальную азербайджанскую мелодию Самед Вургун.

Каныш Имантаевич достал из табакерки щепотку жевательного табака — насвая и заложил за щеку.

Он не заметил, сколько прошло времени, как впереди блеснула темная полоса Ла-Манша. С ней резко контрастировали по цвету белесые британские берега, вдававшиеся в пролив извилистой линией. «Известняки», — подумал про себя Каныш Имантаевич. Самолет пошел на посадку.

После краткой церемонии встречи разместились по машинам, поехали в город. Лондон поражал хаотичным сочетанием задымленных старинных зданий и новых современных домов. Многое после ожесточенных гитлеровских бомбежек не было еще восстановлено. Полуразрушенные дома и котлованы, окруженные низкими кирпичными барьерами, входили неотъемлемой частью в городской пейзаж.

Советские парламентарии были на приеме у премьер-министра Эттли. Принимал их и Уинстон Черчилль. Он был уже стар и наигранной живостью как бы стремился замаскировать свои годы; артистически владея интонацией, мимикой, жестами, он старался показать себя гостеприимным и доброжелательным. Но как старость выдавали набрякшие мешки под глазами, так и истинные его чувства выдавали глаза, слишком пристально и подозрительно всматривавшиеся то в одного, то в другого советского депутата.

От нашей делегации краткое слово произнес Ми-

кола Бажан, вежливое и сдержанное. Позднее он вспоминал эту встречу откровенно и зло в своем стихотворном памфлете, сопоставив недобрый взгляд бывшего премьера и его лживый спич в адрес советских депутатов.

Во время приема гости с хозяевами стояли у небольших столиков, на которых, кроме виски и сэндвичей, ничего не было.

Неожиданно Сатпаев почувствовал, что Черчилль в упор разглядывает его.

— Господин Черчилль спрашивает, кто вы по национальности, Каныш Имантаевич. Я ему ответил, что вы казах, — сказал переводчик.

С полуулыбкой, опять в упор глядя на Сатпаева, Черчилль спросил:

— Скажите, все ли казахи такие высокие?

Каныш Имантаевич в тон ему сказал:

— О, наш народ значительно выше меня.

Членам нашей делегации ответ Каныша Имантаевича пришелся по сердцу. Черчилль вежливо кивнул Сатпаеву, но полуулыбка сбежала с его лица.

Вечером в отеле член делегации доктор медицинских наук Ольга Николаевна Подвысоцкая спросила Сатпаева, какое впечатление на него произвел Черчилль.

Каныш Имантаевич искоса взглянул на собеседницу, и взгляд его из-под приподнятых век показался ей скорее грустным, чем насмешливым.

— Когда я думаю о людях этого толка, пусть они и оставили свой след в истории, я всегда вспоминаю слова Толстого из моей любимой книги «Война и мир»: нет величия там, где нет простоты, добра и правды.

...В отеле «Дорчестер» они подвергались атакам корреспондентов. Каныш Имантаевич вежливо, но

достаточно решительно отказался от интервью. Константину Симонову пришлось несколько труднее. Сотрудник радиостанции Би-Би-Си настаивал:

— Если вы, господин Симонов, не имеете времени отвечать на вопросы, прочитайте хотя бы стихи.

— Стихи? — переспросил Симонов.

Сатпаев вмешался в беседу:

— Почитайте, Константин Михайлович, те стихи, что вы читали пять лет назад на вечере интеллигенции в Алма-Ате: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...»

— А что? Прочитать? — Симонов почувствовал остроту этого предложения. — В самом деле почитаю...

И вскоре из Лондона понеслись в эфир строки, написанные в дни осеннего отступления 1941 года, строки, полные любви к Родине.

Репортеры буржуазной печати, словно сговорившись, совершенно не тревожили советских парламентариев в день, когда они отдавали благодарную дань памяти Карла Маркса. Тогда скульптурного памятника Марксу на Хайгетском кладбище еще не было, его воздвигли позднее на средства коммунистических партий. Члены делегации принесли на могилу венки из живых цветов.

В Британском музее, а точнее сказать, не в музее, а в его читальном зале, где, располагая к работе, мягко светили не очень яркие лампы, Каныш Имантаевич долго стоял перед рабочими столиками, за одним из которых много лет назад трудился Владимир Ильич Ленин. Здесь, на чужбине, он не только думал о своей Родине, но и практически приближал ее революционное будущее.

— Скажите, пожалуйста, кто вы по национальности? — спросил у Сатпаева сотрудник музея, как

бы повторяя вопрос Черчилля, но совершенно с иной, доброжелательной интонацией.— Значит, казах. Я так и думал. Тогда я вам могу показать одну занятную книгу.

Он зашел в книгохранилище и вернулся через минуту.

Каныш Имантаевич увлеченно перелистывал страницы и на превосходно исполненных цветных литографиях узнавал пейзажи своей прииртышской степи, ее юрты, ее чабанов и охотников, ее батыров и поэтов-акынов. Это были места его детства и юности.

Автором редкой книги был Томас Аткинсон, родившийся ровно на столетие раньше Сатпаева, в 1799 году. Он около семи лет провел в иртышских степях, побывал в Семипалатинске, пережил землетрясение в Копале, посетил только что основанный городок Верный, будущую столицу Казахстана. В его книге «Средняя Азия и Западная Сибирь» столь же много метких интересных наблюдений, как и ложных обобщений. Такое, например: «Насколько я знаю киргизов, никакая сила не может превратить этих кочевников в индустриальных рабочих. Их приверженность к кочевой жизни складывалась в течение столетий, и столько же веков потребуется, чтобы изменить ее».

Музей был превосходным. Хотелось подолгу стоять у древних памятников искусства Востока — будь то шаманские маски из Тибета, изваяния Будды или редчайшие образцы живописи Японии и Китая, крылатые быки со строгими лицами мыслителей или персидские миниатюры. Ближний Восток и Средняя Азия — все было достойно самого внимательного осмотра. Но, увы, приходилось спешить, времени было отпущено самая малость.

Каныш Имантаевич все-таки задержался у кол-

лекции драгоценных камней разных веков и народов.

— Скажите, а геологического отдела у вас нет?

К сожалению, геологического отдела в Британском музее не оказалось.

— А что именно вы хотели увидеть?

— Меня интересуют руды из Северной Родезии. Знаменитый медный пояс Центральной Африки. Это месторождение по многим своим чертам, и в частности по своему происхождению, близко нашему Джезказгану.

— Джезказган, Джезказган,— несколько раз повторил сотрудник ювелирного отдела, справился о профессии Сатпаева и записал его адрес. Месяца через два-три после возвращения Каныша Имантаевича в Алма-Ату он получил посылку из Африки. Тяжелый ящик с образцами медных руд. Белый халькопирит месторождения Н'Чанга, кристаллы халькозина, тонкозернистый песчаник из Роан-Антелби и другие интересные экспонаты. Они были изучены и описаны Таисией Алексеевной, а Канышу Имантаевичу помогли в известной мере в его работах по металлогении.

Шестнадцать лет спустя после поездки в Англию Каныш Имантаевич увлеченно готовился к Международному геологическому конгрессу в Дели. Ему хотелось рассказать своим коллегам по профессии об успехах новой науки — металлогении, сделать на примере прогнозных металлогенических карт Центрального Казахстана некоторые теоретические обобщения. Может быть, его доклад будет практически полезен и для ученых-геологов древней страны, лежащей за Гиндукушем. Он помнил, с каким живым вниманием рассматривал вице-президент Индии Радхакришнан стенды геологического музея в Алма-

Ате, как он старался не пропустить ни одного слова из его объяснений. Как ты живешь, как дышишь, Индия, освободившаяся от власти Лондона, власти Британии?..

Вечный степной странник, Сатпаев не так уж часто бывал за рубежом, и предстоящее путешествие его волновало.

Но поездке не суждено было сбыться. Тезисы так и не прочитанного доклада стали последней работой Каныша Имантаевича.

Зори над степью

А мы вернемся в 1951 год. Он оказался лично для Сатпаева очень тяжелым. Каныша Имантаевича освободили от обязанностей президента Академии наук Казахской ССР. Не будем здесь анализировать причины этого решения. Важнее узнать, как отнесся к нему сам Сатпаев.

Чтобы не ущемлять самолюбие Сатпаева и поберечь его душевное спокойствие — дескать, трудно работать в стенах той Академии, где еще вчера был президентом, — ему предложили переехать в Москву и принять должность, вполне соответствующую его званию академика, его научному и организационному опыту.

Казалось бы, это было естественным выходом, гарантией от психологических травм. Но Каныш Имантаевич решительно отказался от переезда в Москву. Он и в этой трудной ситуации не искал для себя облегченных путей и отбрасывал престижные соображения, как не желал считаться и с чувством обиды, точившей сердце.

Каныш Имантаевич остался в Алма-Ате директором Института геологических наук. Это был мужественный и продуманный поступок, принесший зрелые плоды геологической науке.

Конечно, Сатпаев не прекращал своих научных занятий и в предшествующие годы. Но как мало времени оставалось для них! Не такие уж частые свободные вечера, да еще дни отдыха. Даже редкие недомогания и запреты врачей выходить на работу он использовал как разрешение трудиться за письменным столом.

Осенью пятьдесят первого года он отдыхал в Кисловодске. Не только размеренная санаторная жизнь и удивительный своей чистотой и мягкостью воздух, напоминавший и о Баянауле и об Улутау, помогли ему набраться сил. Вместе с ним и Таисией Алексеевной были Василий Иванович и Зоя Ивановна. Милый Василий Иванович, увалень Вася, по первому звонку в Джезказган немедленно согласившийся разделить с ним отдых. Вот когда понимаешь, какой душевный такт у человека, умевшего помолчать когда надо, и поспорить, и пошутить. А уж общих воспоминаний было у них на целую жизнь.

О работе они говорили сравнительно редко. Еще реже об уходе Каныша Имантаевича из Академии. Конечно, только тогда, когда он сам об этом заговаривал. В ответ на взволнованные слова Василия Ивановича: «Я, Каныш, был оскорблен в лучших своих чувствах» — Сатпаев очень спокойно сказал:

— Ценю дружбу, но оскорбляться не надо. Сделанного у нас с тобой никто не отнимет. А есть русская поговорка: «Несчастья бояться — счастья не видеть».

Они зашли далеко за Красные камни, и перед ними

открывались горы Кавказа с лесными их склонами, с белыми папахами снегов.

— И все же Тянь-Шань величественнее. Не правда ли, Каныш?

— Ты об Алатау думаешь? А я об Улутау. И кажется мне, что наш с тобой Джебказган куда как богаче, чем мы о нем знаем сегодня. И весь Центральный Казахстан.

Каныш был поглощен будущей работой.

Вернувшись в Алма-Ату, Сатпаев с прежней энергией окунулся в дела Института геологических наук, от которого он не отделял и свои личные занятия.

Правда, ему приходилось, как прежде, вникать в разрешение многих других геологических и народно-хозяйственных проблем. Он производил анализ результатов работы Мангышлакской геологоразведочной экспедиции, открывшей нефть на полуострове. Возглавлял комиссию по геологической экспертизе Ачисайского полиметаллического месторождения, снабжающего сырьем Чимкентский свинцовый завод, и доказал его полную перспективность, в противоположность мнениям некоторых авторитетных специалистов.

Он побывал в Центральном и Северном Казахстане, уточнил размеры ряда месторождений черных, цветных и редких металлов.

Эти экспедиции имели прямое отношение к той главной работе, которую проводил Каныш Имантаевич, как руководитель темы «Металлогенические прогнозные карты полезных ископаемых Центрального Казахстана».

Эпиграфом для главного труда Сатпаев взял слова учителя своего учителя академика Обручева:

«Изучение геологического строения и состава ка-

кой-либо страны, выясняя историю ее развития и современного состояния, позволяет нам судить о том, какие месторождения полезных ископаемых могут быть найдены в ее пределах».

«...Могут быть найдены» — это и есть прогноз.

«...Металлогенические прогнозные карты,— писал Каныш Имантаевич,— по необходимости должны венчать вершину пирамиды всех наших современных фактических знаний решительно о всех аспектах геологии и металлогении данного региона».

А «данный регион» — это больше 800 тысяч квадратных километров, примерно треть всей территории Казахстана, еще в сравнительно недавнем прошлом «белое пятно» на карте, лишь кое-где прорезанное узкими лентами отдельных геологических маршрутов.

Не то, конечно, теперь, в середине века. В распоряжении Сатпаева и его товарищей уже была раскрытая комплексными геологическими исследованиями, проведенными в том числе ими самими, сложная картина геологического строения Центрального Казахстана. Перед их глазами проходили одна за другой геологические эпохи. Они видели то, что было пятьсот миллионов лет назад, видели, как поэтапно менялся лик земли и как возникали современные сложные геологические структуры.

Геолого-структурные карты были обращены в прошлое. На их основе предстояло создать металлогенические прогнозные карты, обращенные в будущее.

Метод работы Каныш Имантаевич кратко определил как «комплексно-геологический метод региональной металлогении». Или несколько шире: «Комплексность в научной разработке вопроса, полнота в сборе всех первичных фактов наблюдений, конкрет-

ность в анализе, объективность в обобщении и коллективность в творчестве...»

В эту формулировку вмещался весь джезказганский опыт Сатпаева.

Для руководства разработкой этой проблемы нужны были не только выдающиеся теоретические знания Каныша Имантаевича, но и его огромный организаторский талант.

Мы уже говорили о многочисленных экспедициях. Сатпаев в эти годы налетал десятки тысяч километров. Вопросам металлогении были посвящены две республиканские геологические конференции. К работе по составлению металлогенических прогнозных карт Институт геологических наук привлек Казахское и Карагандинское геологические управления, Средне-Азиатский геофизический трест, тресты «Казметаллопромразведка» и «Средазолово», Казахский горно-металлургический институт, многочисленных геологов-производственников действующих рудников и даже Республиканское архивное управление.

Итог напряженнейшей работы — более 280 листов специальных геологических и геолого-металлогенических карт и завершение описания геологического строения и металлогении Центрального Казахстана.

Для этого богатейшего полезными ископаемыми района карты и тексты к ним равнозначны геолого-металлогенической энциклопедии.

Академик Академии наук Казахстана И. И. Бок и доктор геолого-минералогических наук Г. Б. Жилинский писали:

«Заслуга К. И. Сатпаева и коллектива казахстанских геологов, который он возглавлял, состоит прежде всего в организации широких комплексных металлогенических исследований, направленных на быстрейшее выявление новых месторождений полез-

ных ископаемых и на расширение минерально-сырьевых ресурсов страны».

В 1955 году, в разгар работы над металлогеническими картами, Каныш Имантаевич вновь был избран президентом Академии наук Казахстана. Это был славный год продолжения всенародного целинного похода. Год больших свершений и вынашивания новых планов подъема промышленности и сельского хозяйства. И, конечно, Канышу Имантаевичу и по должности президента, и по долгу ученого, и по характеру своей натуры пришлось участвовать в решении многих вопросов, связанных с развитием науки, техники, экономики.

Вместе с гидрогеологами он занимался вопросами водоснабжения целины, форсировал составление почвенных карт, намечал планы борьбы с ветровой эрозией почв.

3 августа 1955 года К. И. Сатпаев выступал на пленуме ЦК Компартии Казахстана, посвященном развитию промышленности, в прениях по докладу первого секретаря Центрального Комитета КП Казахстана Л. И. Брежнева.

— ...Уже в настоящей, далеко не полной стадии своей изученности,— говорил Сатпаев,— наша республика располагает запасами хрома и ванадия, меди, свинца, цинка, кадмия, вольфрама, железной руды и ряда других полезных ископаемых. Одно из первых мест в СССР занимает Казахстан и по запасам таких важных ископаемых, как уголь, марганец, молибден и многие другие.

Каныш Имантаевич в этом своем выступлении на пленуме очень конкретно говорил о перспективах сооружения важнейших объектов шестой пятилетки, в том числе о Соколовско-Сарбайском горно-обогательном комбинате, о заводе ферросплавов, о со-

вершенствовании технологии производства металла на Чимкентском и Балхашском заводах. Рассказал, что делают и должны делать для нужд промышленности ученые Казахстана.

Только о своих работах он не говорил ни слова. Между тем исследования в области металлогении шли полным ходом. Каныш Имантаевич не хотел предвосхищать их практическое значение. Позднее металлогенические прогнозные карты оказались самым безошибочным компасом: с их помощью геологи открыли в Казахстане сотни новых месторождений.

Алма-Ата стала истоком металлогенической науки, ее центром. Возникла казахстанская школа металлогении, школа Сатпаева.

Решение проблемы создания металлогенических прогнозных карт приобрело сначала всесоюзный, а затем и мировой характер. С 1958 года в Академии наук СССР при Отделении геолого-географических наук организуется межведомственная комиссия по изучению «Закономерности размещения полезных ископаемых в земной коре как основы для их прогноза на территории СССР».

Металлогению начали изучать наши зарубежные друзья.

Последняя научная работа Каныша Имантаевича — мы уже рассказывали об этом — тезисы доклада о проблемах металлогении на Международном геологическом конгрессе в Дели.

...Был на исходе 1963 год, как всегда, полный забот и планов на будущее.

Большое впечатление произвела на Сатпаева поездка на Рудный Алтай, — его геологией он занимался все пристальней и глубже. Как член Президиума Комитета по Ленинским премиям в области науки и

техники, он вручил премии группе алтайских специалистов. И заодно провел конференцию местных геологов, среди которых оказалось немало способных молодых исследователей.

В последние годы своей жизни он много думал и о школе, частенько обращался и к ребятам, и к учителям:

— Школа — начало всех начал, отсюда лежит путь не только на поля и в цехи, не только в искусство, но и в лаборатории ученых. Здесь рождаются наклонности будущих Менделеевых и Ломоносовых...

В декабре он участвовал в работе Пленума ЦК КПСС, посвященного развитию химической промышленности в стране. Накануне пленума в Алма-Ате он сделал доклад на республиканском совещании «Сырьевые ресурсы химической промышленности Казахстана, состояние и задачи химической науки республики».

Он находился в гуще жизни, в центре событий. Но был обреченно больным человеком.

В январе 1964 года он уже лежал в подмосковной больнице. День ото дня ему становилось хуже.

30 января его посетили друзья из Министерства геологии. Тихо, преодолевая слабость, Каныш Имантаевич говорил им не о себе, не о своих страданиях. Он рассказывал о нефти Мангышлака. Делился своей радостью — новый генеральный подсчет запасов Джебказгана утвержден правительственной комиссией.

...В окно проглядывало зимнее серое небо Подмосковья. А Канышу Имантаевичу в последний день его жизни виделась ясная заря над родной Степью.

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение в молодость	3
Член ревкома и народный судья	19
Спасибо вам, Михаил Антонович!	29
Здравствуй, Джезказган!	42
Трудное счастье	54
В грозные годы	82
Рождение Академии	96
Сатпаев в Англии	111
Зори над степью	119

Брагин Алексей Иванович

УМОМ И МОЛОТКОМ

Заведующая редакцией А. Т. Шаповалова

Редакторы А. Ф. Глазов и В. М. Дюнин

Младший редактор Н. М. Жилина

Художественный редактор Г. Ф. Семиреченко

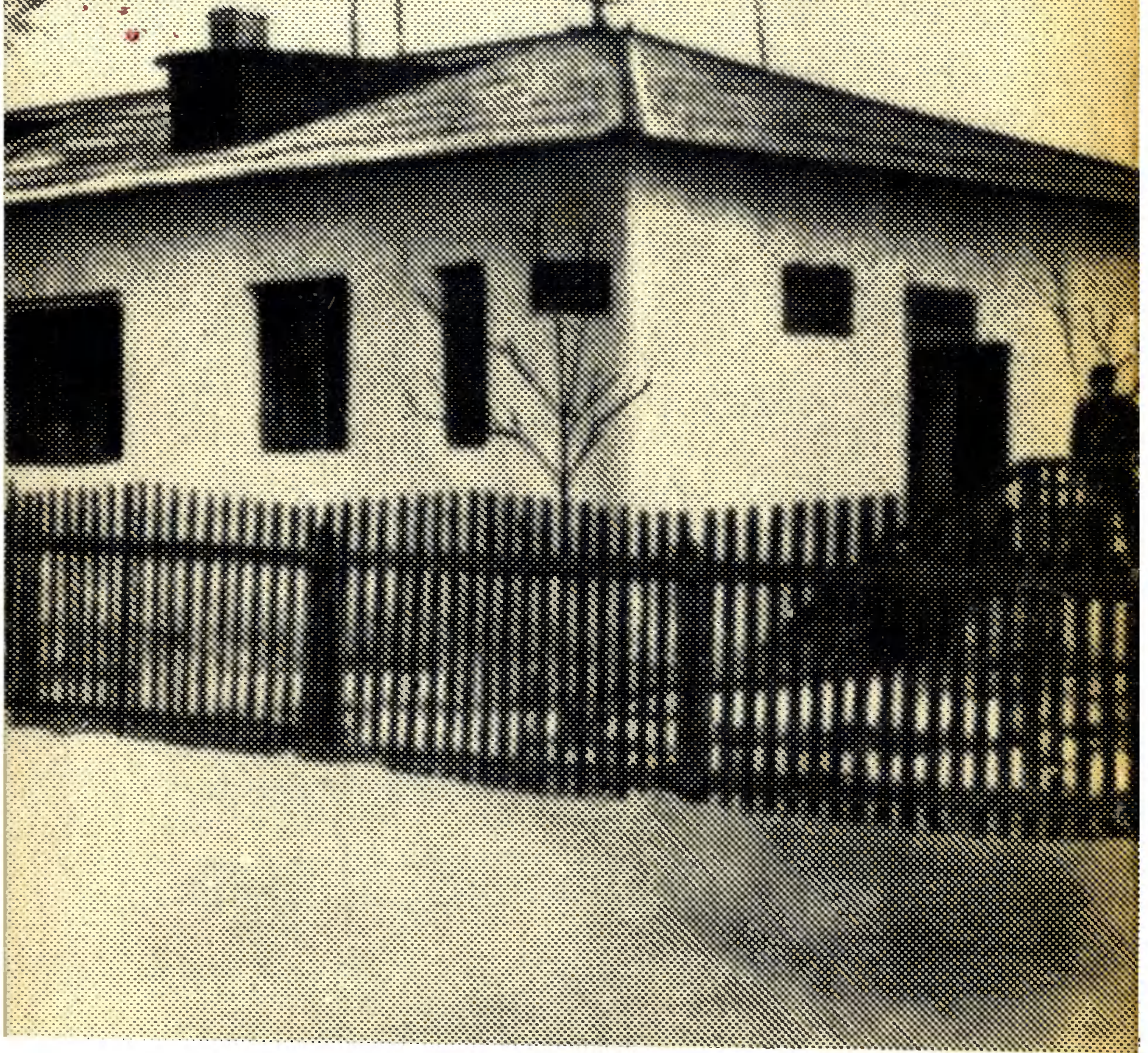
Технический редактор Л. К. Уланова

**Сдано в набор 21 апреля 1975 г. Подписано в печать 15 августа 1975 г.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 5,81.
Учетно-изд. л. 5,38. Тираж 100 тыс. экз. А 00125. Заказ № 4568.
Цена 20 коп.**

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

**Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.**

20 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1975